ТАТЬЯНА ФЕСЕНКО

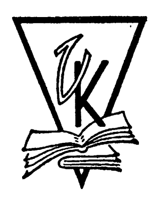
ГЛАЗАМИ ТУРИСТА

1966

ТАТЬЯНА ФЕСЕНКО

ГЛАЗАМИ ТУРИСТА

Изд. Русского книжного дела в США
Victor Kamkin, Inc.
Вашингтон
1966

Статьи, позже составившие отдельные главы этой книги, печатались с незначительными сокращениями в дек. 1963-мае 1964 гг. в газете « Новое Русское Слово » (Нью-Йорк).

Publisher : Victor Kamkin, Inc., 1410 Columbia Road
Washington D. C., 20009

Андрею —
в память всех
пройденных вместе
путей.

ГЛАЗАМИ ТУРИСТА

Свидание с Европой откладывалось на годы. Были на это разные причины — хотелось сперва ознакомиться с Америкой, „ пустить корни ”, не чувствовать себя чужаками в стране, где мы проживем остающиеся нам годы. Потом пришла болезнь, оставившая после себя усталость и страх перед еще большей усталостью . . . Словом, только через тринадцать лет мы снова пересекаем Атлантический океан, но уже в обратном направлении.

Я люблю число тринадцать : вопреки его скверной репутации, все приятное или значительное в моей жизни связано именно с этим якобы злополучным числом. Вот и теперь разница в условиях путешествия явно в его пользу : ровно тринадцать лет тому назад, в 1950 г. мы покинули Бремен, вернее Бремергафен, на переполненном военном транспорте, увозившем свыше 1300 Ди-Пи к берегам Нового Света. Теперь мы отправляемся к берегам Европы на роскошном новом теплоходе „ Бремен ”, где на 1122 пассажира приходится 544 человека команды и обслуживающего персонала. Тогда нам сопутствовал нестерпимый скрежет железных скребков, отдиравших старую краску с поржавевших частей видавшего виды транспортного судна, которое помогали красить в пути сами же „ пассажиры ”, теперь на наш „ променад ”, где мы в удобных шезлонгах проводим беззаботные часы, любуясь сине-зеленой гладью, долетают звуки вальсов и

сонат. Однако, и в прошлом, и в настоящем есть одна общая черта — впереди лежит мир, который мы знаем только из книг и который нам не терпится увидать...

Как-то я прочла в книге советского писателя Д. Дара „ Там, за поворотом " запомнившуюся мне фразу : „ Все путешествия обычно совершаются трижды : в первый раз — в воображении, второй — в действительности, третий — в воспоминаниях ". Совершая это третье путешествие, я должна предупредить читателей, что описание той или другой страны будет напоминать моментальный фотографический снимок, но отнюдь не портрет, завершенный вдумчивым художником после многочисленных эскизов и вариантов.

Нельзя писать о стране, в которой пробыл неделю, делая обобщения и выводы, особенно смотря влюбленными глазами на здания, улицы, парки и реки, с детства знакомые по названиям, но только теперь приобретающие конкретные очертания. Да и что можно написать нового и свежего о поездке, совершенной за последние годы по тому же маршруту сотнями тысяч туристов ? ! Но путешественнику, как и влюбленному, кажется, что только он переживает нечто подобное, не похожее на случившееся с другими людьми, неповторимое, незабываемое...

Я не знаю, как живет коренное население тех стран, где мы побывали, каков бюджет жителей, каковы их настроения и чаяния, хотя бы потому, что там у нас нет ни одного знакомого аборигена, с которым мы могли бы поговорить на эти темы. Единственным местом, где такие разговоры произошли, даже дважды, был Париж, но в обоих случаях нашим собеседником, вернее лицом, произносившим монолог, был шофер такси. В первом случае это был страстный поклонник де Голля, во втором — не менее страстный его противник, но оба они отличались одним и тем же свойством : произнося свои тирады, они совершенно отпускали руль и жестикулиро-

вали обеими руками, а мы-то наивно думали, что это бывает только в комических кинофильмах! В Англии даже такого общения быть не могло, так как шоферы сидят там, недоступные и почти неподвижные, за стеклянными перегородками своих старомодных черных автомобилей. В Италии, не говоря по-итальянски, мы вообще объяснялись с трудом, так что мой рассказ будет главным образом, о том, что мы **видели,** то ли в порядке распространного явления, то ли в виде исключения, но оставшегося в памяти, как яркое пятно нашего импрессионистического путешествия.

I. — АНГЛИЯ

Начало Англии нам совсем не нравится. „Бремен" останавливается на внешнем рейде и за нами из Саутхемптона приходит катер. После часа пути мы попадаем на пристань, проходим очень поверхностный таможенный осмотр и усаживаемся в специальный поезд, везущий нас в Лондон. Пахнет карболкой, сиденья обиты старомодным бархатом в рисунок, все какое-то унылое . . .

Дорога приятная, зеленые лужайки, пышные каштаны, стройные тополя. В одном месте к полотну спустились холмы, густо поросшие низкими, мелкими ярко-лиловыми цветами — наконец-то мы увидели вереск, о котором столько читали !

Мелькают поселки — перед домами много цветов и небольшие огороды с пугалами, совсем как в наших селах, только домики другие, с высокими кирпичными трубами, из которых торчат еще железные — сразу можно сказать, сколько в доме каминов. Как известно, в большинство случаев это — единственный вид отопления и не даром один американский мальчик, проживший с родными зиму в Англии, уверял знакомых, что там в каждом доме есть рефрижераторы, но только называются они . . . спальнями.

Проехали две неказисто выглядящие станции — Wimbledon и Vauxhall, — и были очень разочарованы : в честь последней совсем не стоило создавать русское слово „вокзал", да и с местом теннисных состязаний асоциировалось нечто более изящное. А дальше потянулись какие-то склады, невзрачные строения, и вдруг мы увидели знакомую по кино и картинкам башню с часами :

„ Биг Бен ” высокомерно глядел на нас . . . Мы подъезжали к вокзалу Ватерлоо.

Едва устроившись в отеле, пошли гулять по городу. Движение тут страшное, автомобили вылетают из разных улиц, отовсюду несутся красные, двухэтажные, устрашающе рычащие автобусы. Нужно смотреть в оба, да еще и помнить о движении по левой стороне. Позже мы спросили гида, почему Англия предпочитает левую сторону правой, и получили занятный ответ. По словам гида, по левой стороне дороги ездили издавна, так как всаднику таким образом было легче взбираться на лошадь. Наполеон приказал своим войскам, занимавшим ту или иную страну, идти по правой стороне во избежание задержек и стычек с местным населением, и этот метод движения привился во всех странах, в которых побывали французские полки. Англия и Швеция не были покорены Наполеоном и в них удержалось левое движение. Так ли это, не берусь судить, оставляя объяснение на совести гида, и втайне недоумевая, почему же тогда в Соединенных Штатах, основанных выходцами из Англии, движение идет по правой стороне ? !

Итак, осторожно пересекая улицы, мы довольно скоро добрались до Пикадилли Сэркус — лондонского варианта Таймс Сквера. В „ Лайонс ” — довольно уютной комбинации магазина с рестораном, — съели вкусный бифштекс и ободрились, а, передохнув и спрятав на память бумажную салфетку с изображением изящной статуи Эроса, украшающей площадь, стали осматриваться. Темнело, всюду вспыхивали и загорались рекламы, уже качался огненный маятник на огромных часах, но над всем этим пестрым сборищем уверенно и спокойно царила громадная реклама Кока-колы — и мы сразу почувствовали себя, как дома. И позже, во всех посещаемых городах, мы сразу же наталкивались на следы триумфального шествия этого американского напитка и его сестры Пепси-колы по Европе. На Плас Пигалль

реклама игриво сообщала, совсем в духе расторопного Фигаро : « Voici, voilà — Pepsi Cola ». По всей Италии разбросаны щиты с призывом : « Buvete Coca Cola », умалчивающие, правда, о том, что в туристских районах этот напиток продается ровно в три раза дороже, чем там, куда туристы заглядывают редко. Даже в знаменитых венских кафе, к нашему изумлению, молодые австрийцы заказывали вместо традиционного кофе с пирожными, кока-колу, вначале вызывавшую такие насмешки европейцев.

Но вернемся в Лондон и снова, не торопясь, пройдем по широкой и красивой Риджент Стрит, к тому же очень изящно освещенной : то дом облит золотистым светом, то в нем горят все окна, таинственно-голубые, оранжевные, розовые. Витрины очень нарядные, не то, что на знаменитой высоким качеством товаров фешенебельной Бонд Стрит — улице маленьких и скромных на вид магазинов. Здесь же особенно много ювелирных магазинов с окнами в мелкую решетку. В витринах магазинов дамских мод стоят на редкость противные манекены в самых ненатуральных позах и лица у них какие-то порочные, злые. Много вызолоченных фигур, еще более страшных. А позже мы натолкнулись и на витрину, где всех манекенов раздели для смены костюмов. И так они красовались, совершенно обнаженые, очень тщательно выполненые, привлекая зевак и комментатаров.

Но больше всего поразили нас лондонские мужчины, в полосатых брюках, котелках и с зонтиками, висящими на согнутой руке. Особенно много таких чопорных джентльменов между 4 и 6 часами дня, когда закрываются банки и торговые конторы Сити. Этот странный для нашего глаза наряд как бы форма делового квартала. Вечером же, по-двое, по-трое проходят молоденькие пареньки с нависшими на лоб чубами à la Beattles и какими-то немужественными лицами. Но в общем англичане оказались гораздо более приветливым и приятным в общении народом, чем мы воображали.

С утра мы уже осматриваем Лондон „организованным порядком", в отличных автобусах туристского бюро. Особенно ошеломило нас Вестминстерское аббатство. Как тесно связан этот храм со всей культурой Англии, сколько исторических ассоциаций вызывает его посещение! Красота и мудрая гармония одних сводов и потолков буквально завораживают, хотя и не следовало бы употреблять этот глагол при описании аббатства. Сколько вдохновения и бесконечного терпения вложено в тончайшую каменную резьбу, как мистически оживал камень под рукой безвестных мастеров! Особенно бедными и вызывающе-лишенными всякого внутреннего подъема кажутся нам теперь произведения современного абстрактного искусства...

Только здесь мы почувствовали, что англичане не могут не смотреть на американскую „старину" в лучшем случае снисходительно: наш гид, показывая один из притворов аббатства, так и сказал: „Это сделано в семнадцатом веке — по **нашим** понятиям недавно", даже подчеркнув интонацией слово „недавно".

И как удивительно примирились под этими сводами казнившая и казненная, Елизавета и Мария Стюарт, лежащие так близко друг от друга в „самой красивой капелле христианского мира", построенной Генрихом Седьмым. Только ноги Елизаветы, вернее ее изображения, как и всех английских королев, покоятся на сонливом английском льве, тогда как в ногах Марии — оскалившийся, красный от злости, стоящий на задних лапах шотландский лев, не смирившийся, не простивший...

В Европе немало соборов, где короновались могущественные государи, где под пышными надгробиями спят последним сном гордые властелины и князья церкви. Но „Уголок поэтов" существует, вероятно, только в этом храме. Первым из писателей тут был похоронен Джеффри Чосер, умерший в 1400 г., да и то он удостоился этой чести не из-за преклонения англичан перед та-

лантом автора „Кентерберийских рассказов", а потому, что провел в аббатстве свои последние годы. Но через полтора столетия ему воздвигли мраморное надгробие именно в воздаяние его литературных заслуг, а позже поблизости от Чосера были похоронены Спенсер, Драйден, Теннисон и другие собратья по перу. Но „Уголок поэтов" полон памятников писателям и стихотворцам, чьи тела и не лежат под сводами аббатства, но чью память чтит народ. Мы узнаем многие изображения — вот Шекспир, вот Кольридж и Вордсворт, вот Мильтон и Роберт Бернс, а вот высечены имена Китса и Шелли, соединенные гирляндой... Где еще поэтов хоть в смерти поставили рядом с царями, где еще коронационные гимны долетают до тех, кого венчали только музы?..

После Вестминстерского аббатства нас гораздо менее впечатлил громадный, построенный Христофором Реном, какой-то пустой, с еще не оконченной за 250 лет отделкой, собор св. Павла, уступающий по размерам только римскому собору св. Петра. Есть в нем и Американская капелла, где в книге, подаренной собору президентом Айзенхауэром, вписаны имена американцев, погибших в Англии во Вторую мировую войну.

А вот этот маленький старинный дом на углу обессмертила другая книга, к счастью не такая трагическая. Тесное помещение, заставленное, завешанное и заваленное разными предметами искусства и ремесла, когда-то послужило Диккенсу прототипом его „Лавки древностей", о чем говорит и надпись на стене. Но и громадное здание, телеграфный адрес которого красноречиво, хоть и кратко, намекает на специальность работающих в нем людей — „Handcuffs", то-есть „Наручники", — тесно связано с английской литературой. Это знаменитый Скотленд Ярд, фигурирующий в каждом криминальном романе и поражающий воображение европейских подростков.

Вот страшный Музей восковых фигур мадам Тюссо,

тоже стяжавший себе мировую известность. За каждым поворотом лондонских улиц ждет нас знакомство со старыми знакомцами, и, кажется, мы бы уже не удивились, если бы нам показали живого Оливера Твиста или Крошку Доррит...

Вопреки всем нашим представлениям, погода в Лондоне солнечная, и поэтому особенно нарядно, хотя и бессмысленной по продолжительности, кажется нам пресловутая смена караула Букингемского дворца, когда молодцы в алых кафтанах и сползающих на глаза медвежьих шапках долго вышагивают со знаменами и без них, то останавливаясь, как вкопанные, то отбивая шаг на месте, якобы даже не замечая толп туристов, азартно фотографирующих их сквозь решетчатую ограду. Сделали и мы полагающийся снимок, как бы удостоверяющий наше пребывание в Лондоне, а затем отправились в Тауэр с весьма корректной мисс, исполнявшей обязанности гида, интеллигентной, подтянутой, не оставляющей сомнения в том, что она — именно мисс, не вызывающей вопроса, почему она не стала миссис.

На своем безукоризненном, кажущемся нам несколько аффектированным, английском языке она с видимым удовольствием повествовала о всех тех, кого казнили в Тауэре, добросовестно отмечая детали и указывая места. А казнили здесь действительно немало людей, оставивших след в истории Англии — ведь Тауэр, заложенный еще Вильгельмом Завоевателем, служил не только дворцом для всех английских королей до Иакова I, но и крепостью, и тюрьмой. В нем, с начала двенадцатого века, содержались государственные преступники, действительные или мнимые, включая и будущую королеву Елизавету I. Об этой функции Тауэра вспомнили и в мае 1941 г., поместив сюда перелетевшего в Англию Рудольфа Гесса.

Вот здесь, на обнесенном поручнями месте на Площади Троицы окончил свою жизнь, среди многих других знатных лиц, и утопист Томас Мор. Но для членов

королевского дома была отведена другая площадка, поблизости от церкви, в которой их сразу и хоронили. На бархатной зелени лужайки (это словосочетание стало уже непременным при каждом описании Англии), среди разгуливающих голубей почти неподвижно сидят два важных, откормленных иссиня-черных ворона, неприветливо поглядывая на туристов, щелкающих фотоаппаратами. За свою спокойную и сытую жизнь вещие птицы заплатили подрезанными крыльями — согласно легенде, Тауэр будет стоять до тех пор, пока в нем не переведутся вóроны. Но вот зелень лужайки переходит в вымощенный камнем по приказу королевы Виктории небольшой квадрат — здесь скатились головы несчастных английских королев, Анны Болейн и Екатерины Хауард, второй и пятой жены Генриха Восьмого, и леди Джен Грей, о которой речь будет ниже.

Медленно бредем мы мимо Белой Башни, самого старого здания в Тауэре, в которой были когда-то заключены губернатор и двенадцать доблестных граждан Кале, предложивших пожертвовать жизнью для спасения родного города. Они остались в живых, да и продолжают жить в прекрасной скульптуре Родена. Длинной, пестрой лентой вытянулась очередь к Вэкфильдовой башне, где хранятся драгоценности английской короны, и веселые голоса разноязычных туристов звучат у старых стен, немых свидетелей человеческой жестокости, страданий, но и гордой стойкости.

⁂

На утро автобус уносит нас в совсем другой мир, в старый город готических шпилей, славящийся теперь не только знаменитым университетом, но и мощной автомобильной промышленностью. Но древний Оксфорд старается не замечать индустриального наступления, и его почерневшие от времени здания, воздвигнутые в большинстве своем в 13-16 вв., полны академического до-

стоинства и покоя. Как-то даже не верится, что на протяжении многих веков между университетом и городом шла упорная борьба.

Уже в „Англо-Саксонской Хронике" говорится, что в 912 г. король Эдуард взял Оксфорд, а три века спустя этот город был уже центром науки. Но горожане отнюдь не приветствовали ученых пришельцев, из которых многие оказались выходцами из Парижа. Когда же в конце 13-го века монахи организовали независимый от города университет, недовольство горожан дошло до апогея. Ссора в таверне повела в 1355 году к настоящему бою между школярами и горожанами. Академическая кровь оказалась горячей, но была пролита более обильно — в схватке были убиты 63 школяра, и до 1825 г. горожане обязаны были присутствовать на ежегодном молении в университетской церкви св. Марии, внося по серебряному пенни за каждого убитого школяра.

Многое изменилось в жизни Оксфордского студенчества за долгие годы, особенно за последние сто лет. Исчезли „сервиторы" — бедные студенты, обслуживавшие богатых, появились женские колледжи. Студента уже нельзя высечь, как в средние века, но по вечерним улицам все еще разгуливают в своих мантиях и шапочках „прокторы", ответственные за соблюдение дисциплины студентами вне колледжей, в сопровождении педелей — „бульдогов", следящих за тем, чтобы студенты не нарушали общественного порядка.

Нам рассказывали, что особым шиком у оксфордских шутников считается попасть в город своих соперников — Кембридж и там какой-либо выходкой привлечь внимание „проктора". На вопрос блюстителя порядка, является ли виновный студентом университета, следует в недоумении поднять брови и спросить с величайшим изумлением: „— А разве в этом городке есть университет"?

Студенты должны нести двойную ответственность,

соблюдая как правила университета в целом, так и своего колледжа в частности. Вообще же для получения степени студенту приходится в первую очередь полагаться на себя самого, затем на своего руководителя и наконец — на свой колледж. Будучи принятым в него после сдачи конкурсных экзаменов или же после простого опроса, в зависимости от наплыва желающих, студент избирает себе одну из четырнадцати возможных специальностей и получает руководителя на те три или четыре года, которые он проведет в Оксфорде. Через два или три семестра студент подвергается предварительному экзамену, долженствующему показать, способен ли он выдержать выпускные экзамены. В случае провала можно еще раз или даже два попытать счастья, но если студенту не удастся и тогда справиться с предварительным испытанием, ему придется покинуть колледж. Выдержавший „прелимс", как называется такой предварительный экзамен, должен готовиться к выпускному, состоящему обычно из одиннадцати трехчасовых письменных работ и более или менее сложного устного экзамена. Через два месяца студент узнает о результатах экзаменов, а также и о том, по какому из четырех разрядов он окончил университет. Если его выпускная оценка оказалась высокой, он может остаться еще на два года при университете для получения дальнейшей степени. Если же он провалился, колледж может иногда разрешить остаться еще на год, но тогда он окончит курс вне всяких разрядов.

Лекции и специальные семинары происходят как в здании самого университета, так и в отдельных колледжах — такая структура невольно вызывает параллель с федеральным и штатным управлением в США. Но основным принципом образования в Оксфорде является то, что студентом руководят, но его ни к чему не принуждают. Главным источником знаний являются книги — недаром Бодлеянская библиотека Оксфорда славится на весь мир. Интересно, что ее новое добавочное здание, открытое в 1946 г. и рассчитанное на 5 миллионов томов,

на три пятых своей стоимости оплачено Рокфеллеровским фондом.

Вот уже осталась позади массивная дверь, ведущая в квадратный внутренний двор Бразенозского колледжа и украшенная странным дверным молотком в виде не то львиной пасти, не то человеческого лица с громадным приплюснутым носом, от которого этот колледж, основанный в 1509 году, и получил свое название. Остался позади академический мир, так не похожий на нашу alma mater, такой далекий от трудных, голодных, печальных и все же веселых лет нашей юности, проведенных в Киевском университете... И как хорошо, что в этом интересном, но далеком Оксфорде есть тоже интересные, но близкие нашей душе теплые русские люди!

⁂

За окном мелькают рощицы, зеленеют луга. Было бы совсем похоже на Коннектикут или Мериленд, если бы на этих лугах паслись коровы, а не бесконечные стада грязновато-желтых овец. Да и дороги не те, а главное нигде не видно дорожного строительства. Кварталы новых домов растут, как грибы, в каждой европейской столице, а вот за все время в Европе нам не пришлось ни разу сделать неизбежный в Америке даже в короткой поездке „детур", давая дорогу мощным желтым гигантам, то жующим землю, то разгребающим ее стальными лапами, то прижимающим к ней свое тяжелое тело.

Мы едем в замок графов Варвик, или Уорик, как произносят эту фамилию англичане. Нам все еще везет — даже гид только-что обращал наше внимание на старинный мост с одной стороны и гораздо более редкостный в Англии предмет — солнце, с другой. Но сейчас мы рассеянно слушаем объяснения гида. Нам кажется, что автобус мчит нас не вперед, а назад, и мы все глубже погружаемся в когда-то любимый, а теперь уже призабытый мир героев Вальтера Скотта. В нескольких милях

отсюда стоял и Кенильвортский замок, от которого остались одни развалины. Несколько лет тому назад, в живописном поместье Вандербильтов в Северной Каролине, мы усердно фотографировали часть стены этого замка, перенесенную на американскую землю по отдельным камням. Однако, замок Уорик великолепно сохранился, хотя тоже был основан в далекие времена.

Несомненно, что первые укрепления были заложены здесь еще саксами около полутора тысяч лет тому назад. Разрушенные датчанами четыреста лет спустя, они были отстроены дальновидной Этельфледой, создавшей линию укреплений, проходившую через Уорик. От них и до сих пор сохранился высокий, искуственно насыпанный холм, а в далеко времена эта линия оказалась настолько эффективной, что, почти через тысячелетие, лорд Китченер воспользовался мыслью мудрой дочери Альфреда Великого для создания цепи укреплений в Южной Африке. Вильгельм Завоеватель, высадившийся в Англии, как известно, в 1066 году, отобрал замок и титул у саксонского барона и пожаловал их одному из пришедших с ним норманнов, Генри де Ньюбургу, потомки которого владели замком два столетия, сохраняя его за короной. В 1263 г. восставшие против короля бароны, укрепившиеся в замке Кенильворт, взяли в плен графа Уорика, вскоре умершего. Муж его дочери, из знаменитой семьи де Бошан, и сын его Томас построили мощные зубчатые башни замка, отлично сохранившиеся и до наших дней.

Мы идем к ним по дороге, прорезанной в скалах в конце 18-го века, осененной тенистыми деревьями и разукрашенной фестонами уже краснеющего плюща. Павлины на неповторимых лужайках подымают украшенные коронками головы, но увидав привычную толпу туристов, равнодушно продолжают свою прогулку. С крыльца частных покоев сбегает красивый, отлично одетый мальчуган, вероятно внук теперешнего владельца, и, даже не посмотрев в нашу сторону, скрывается в парке, а за

ним, подымая к нам смешное сморщенное личико, на которое падают тщательно расчесанные светлые локоны, трусит китайская избалованная собачка.

Мы медленно идем вдоль стен, увешанных портретами прежних обитателей замка. Только здесь мы начинаем понимать, какие художественные сокровища находятся все еще в частных руках. Если портреты в вестибюле писаны кистью Ромни и Сарджента, то парадные комнаты украшены картинами Ван Дейка и Рубенса, Рембрандта и Рафаэля.

После нарядной столовой с изящным бело-золотым потолком, пристроенной к замку тоже только в восемнадцатом веке, мы попадаем в громадный зал, заново отстроенный после пожара 1871 г. Из его окон расстилается необычайно красивый вид на пенистую реку Эйвон на романтичные мосты, словно уже знакомые нам по старинным гравюрам. Пейзаж настолько хорош, что с него не сводит глаз и королева Елизавета I, чей портрет в коронационном уборе украшает противоположную стену. Золотая вышивка и драгоценности на платье не поблекли за несколько веков — недаром портрет этот писал придворный ювелир.

От пожара не пострадали старинные доспехи, и, глядя на них, старательно начищенных и отполированных ,мы словно видим людей, когда-то их носивших, словно слышим удары мечей по этим латам и щитам. Вот маска палача, вот шлем крестоносца, вот перчатка Черного Принца. Муж смотрит на них с жадным вниманием, и я вижу рядом с собой не человека с уже седеющими висками, а белокурого мальчишку, глотавшего страницы рыцарских романов, растянувшись где-нибудь на нагретых солнцем камнях одесского Большого Фонтана. А вот у окна и громадный котел, в котором когда-то варили еду гарнизону замка. Котлу больше пятисот лет, и теперь, в день совершеннолетия наследника титула, в нем приготовляют крепкий, душистый пунш.

Но мне больше нравится роскошный и в то же время уютный „кедровый салон”. Пол там покрыт Обюссоном, а на стенах из коричнево-красного полированного дерева висят чудесные портреты. Вот этот, на котором королева Генриетта-Мария, жена казненного короля Карла I, изображена во весь рост, имеет необычайную историю. До пояса королеву писал Ван Дейк, а затем сэр Джошуа Рейнольдс с поразительным умением дотачал холст и дописал всю нижнюю часть портрета.

Голубой будуар тоже очень красив и полон особого значения. Над камином висит знаменитый портрет Генриха Восьмого работы Гольбейна, так понравившийся своевольному монарху, что он заказал художнику несколько повторений, для разных замков. Мы даже не можем представить Генриха иным, чем на этом удивительно живом портрете, но трудно поверить, что милый веселый мальчик на портрете слева — тот же Генрих. А справа портрет Анны Болейн, когда-то казненной по приказу своего мужа, вот этого толстого, богато одетого челвека с неприятным и невыразительным лицом. И как тесно связан этот замок с мрачным лондонским Тауэром, да и с трагедиями Шекспира, рожденного на берегах этого же Эйвона.

В этих стенах когда-то появился на свет Эдуард Плантагенет, восьмилетним ребенком унаследовавший титул графа Уорик. Ричард Третий заключил в темницу своего несчастного племянника, виновного лишь в том, что он оказался последним мужским отпрыском королевского рода. Когда Эдуарда в конце концов казнили в расцвете молодости, титул графа Уорик не был никому пожалован целых 60 лет, пока его не получил Джон Дадлей, пытавшийся, обойдя сестер Эдуарда VI, Марию и Елизавету, возвести на трон после кончины короля свою невестку, леди Джен Грей.

Голова этой семнадцатилетней женщины, в течение 10 дней считавшейся королевой Англии, скатилась на

зеленой лужайке Тауэра, обагренной кровью Анны Болейн. Но ее нравственные мучения были еще более тяжкими. Юная леди Джен, принявшая корону против своей воли, из окон, выходивших на ту же лужайку, следила, как для нее, праправнучки короля, воздвигали плаху, и провожала глазами мужа, ведомого на казнь на другую площадку, не столь заботливо отведенную для лиц королевской крови . . .

Сколько мрачных ассоциаций вызывают пышные покои замка, как хорошо выйти на простор парка и любоваться цветниками, разбитыми у павильона, специально построенного для „Уорикской вазы", Впрочем, ваза эта имеет мало отношения к средневековому английскому замку и, по-моему, неудачно названа по его имени.

Это произведение древних римских ваятелей было найдено в 1770 году на дне пруда у руин виллы императора Адриана близ Тиволи под Римом. Приобрел вазу сэр Вильям Гамильтон, английский посол при Неаполитанском дворе, знаток и любитель древностей. Позже ваза досталась его племяннику, одному из графов Уорик, перевезшему ее из Италии и установившему в парке родового поместья.

Мы внимательно осматриваем огромную круглую вазу из белого, теперь уже пожелтевшего мрамора. Украшена она виноградными лозами и головами сатиров. Среди них есть и женское лицо. Говорят, что итальянский скульптор, реставрировавший вазу, вместо одной отбитой головы, изваял лицо жены своего заказчика, пресловутой леди Гамильтон, очаровавшей не только неаполитанское общество, но и адмирала Нельсона, связь с которым стала позже темой многих литературных произведений.

Через две недели мы побываем и в Неаполе, и в Тиволи, будем стоять в предвечерний час у того самого пруда императорской виллы, откуда извлекли это древнее сокровище, но пока нужно спешить к автобусу — ведь совсем недалеко лежит и шекспировский Стратфорд-на Эйвоне.

Этот старый городок, с домами, где темные балки узорчато выделяются на фоне штукатурки, с ящиками герани у окон, на первый взгляд напоминает нам Баварию. Но вот коттедж Анны Хатавей, будущей жены Шекспира, уже совсем иной — его соломенная, почерневшая от времени крыша затейливыми фестонами спускается между окнами и дверьми. Она совсем иначе уложена, чем крыши наших украинских мазанок, и в современной Англии только богатый сноб может позволить себе построить дом под такой крышей : она обойдется около 800 фунтов стерлингов, дороже, чем из любого иного материала. Нет уже искустных мастеров, клавших такие крыши, старое ремесло почти забыто и работа будет стоить очень дорого.

Вот, наконец, стоим мы в спальне, где родился гений — ведь современные исследователи, вопреки долго державшимся версиям об авторе, якобы скрывавшимся под именем актера, все более склонны считать, что Шекспир был ... Шекспиром. Потолок прогнулся между балками, старинная мебель, покрытая грубой резьбой, вряд ли стояла в этой комнате 350 лет назад, хотя и была сделана в те же времена. Зато окно спальни — единственное место в этом доме довольно зажиточных для своего времени людей, где сохранились старые, мутные, зеленоватые стекла. Присматриваемся к ним : многие посетители когда-то вырезали алмазом перстня свое имя на их негладкой поверхности. Конечно, это вандализм, но благодаря ему в комнате Шекспира мы находим имена Вальтера Скотта и Карлейля, начертанные их же рукой ...

В красивой церкви Стратфорда — скромная плита с просьбой-заклятием не тревожить прах лежащего под ней : вероятно земляки великого драматурга боялись, что Лондон отберет их славу ... Из ниши в стене смотрит на нас Шекспир, в кафтане, застегнутом на множество пуговиц, с гусиным пером в руке, с полуоткрытым ртом под тщательно закрученными усиками. Должно-быть, та-

ким знали его простые люди, среди которых он жил в этом живописном уголке, испорченном в наших глазах только Шекспировским театром, построенным, взамен сгоревшего, в конце двадцатых годов и напоминающем не то завод, не то склад, несмотря на лебедей, плавающих недалеко от его стен.

Назад в Лондон возвращаемся другой дорогой, ведущей от одного старинного городка к другому. В Бэнбери, славящемся особыми сладостями, по виду напоминающими русские пирожки, с вкусной начинкой из изюма и орехов, пьем неизбежный английский чай в уютной старой гостинице, где столы радушно уставлены обильным угощеньем к приезду туристов — это входит в программу поездки.

Скоро вечер сменяет серенький, наконец-то чисто английский день, и мы устало откидываемся на наши сиденья — из окна автобуса все равно ничего не видно. До Лондона еще далеко, но мы отнюдь не скучаем. Группа подобралась удачная — туристы, главным образом американцы, ничем не докучают гиду, спокойны и приветливы, и он это, видимо, ценит. А гид у нас интересный, и мы с мужем строим догадки, кем, до послевоенного нашествия любопытных иностранцев, был этот пожилой элегантный человек с военной выправкой, театральными манерами и носом, явно доказывающим, что обладатель его любит не только чай... Сталкиваемся мы с ним уже во второй раз и сталкиваемся с удовольствием — у него есть чувство юмора и запас знаний, выходящих за пределы трафаретных объяснений. А сегодня в награду своим подопечным за то, что никто не отбился от группы, не перепутал автобусы, вовремя вернулся с завтрака и ничего не потерял, он принимается развлекать нас, напевая на „кокни" — лондонском диалекте — песенки бедного люда. Делает он это если и не с большими голосовыми данными, то с несомненным шармом и умением, подтверждающими наше предположение, что ему привычны не только фары автобусов, но и огни рампы. И

мы слушаем странно звучащую для нас по-английски почти дословную версию знаменитой песни советских беспризорников, увековеченной даже в „Путевке в жизнь" :

Позабыт, позаброшен
С молодых, юных лет,
Я остался сиротою,
Счастья-доли мне нет...

II. — ВЕНА

Кто теперь еще помнит прелестный фильм из жизни Иоганна Штраусса — „Большой вальс", где так хороша была Милица Кориус ? Я видела его много лет тому назад и с тех пор полюбила Вену. В моем представлении, несмотря на все бомбежки и военные разрушения, она продолжала жить, овеянная мелодиями вальсов, романтическая и нарядная.

Но, попав на Мариагильферштрассе — торговую магистраль, тянущуюся на протяжении двух с лишним километров и обрамленную витринами двух тысяч магазинов, я действительно нахожу этот город нарядным, но романтическим — о нет ! И отель наш на той же улице, с парадной мраморной лестницей и крошечным лифтом, подымающим жильцов только вверх и систематически застревающим на каком-нибудь этаже, не пленяет нас тем уютом, какой мы найдем позже в Италии, или тем комфортом, который нам предоставил Лондон.

А главное, мы не чувствуем здесь настоящей, искренней приветливости, сразу же завоевывающей сердце иностранца. Видимо, венцы оставляют уют и веселье для внутреннего потребления, деловито взимая с туристов мзду за обозрение красот города, и только. Толстый портье, не дав нам даже докончить вопрос, пробурчал на ходу : „Нет у нас комнат, все занято, ищите в другом месте !" Однако, узнав, что комната, действительно, заказана еще из Вашингтона, он, передавая ключ, угодливо заулыбался и, пошевелив кошачьими усами, стал заверять нас в удовольствии, которое доставило ему наше благополучное прибытие. Но мы не прислушиваемся к этим изъявлениям восторга, мы сами в восторге от

того, что обеспечены кровом. Сейчас в Вене ярмарка, „Винер Мессе", и город, разукрашенный флагами, переполнен — наш поезд был набит до отказа плотными, хорошо одетыми людьми, долго засиживавшимися в вагон-ресторане за деловыми разговорами, а потом, после шумных тостов, распевавшими импровизированным, но довольно стройным хором бодрые песни.

Итак, скорей, скорей отдыхать! Сняв с постелей пышные, цветастые перины, уже предвещающие европейскую осень, мы блаженно вытягиваемся: сегодня, с раннего утра мы просидели, закинув головы, или простояли у окон поезда, боясь пропустить что-либо из чарующих ландшафтов Тироля. Залитые солнцем долины с аккуратно сложенными стогами сена, нарядные белые домики с коричневой деревянной верхней частью, где из длинных ящиков над глазами-окнами свешивается пышная челка цветов, причудливые столбы доломитов, темные сосны и уже золотящиеся деревья, отступающие от серых вершин, бесконечной чередой проплывали перед глазами. Поезд то взбирался высоко-высоко и дома, церкви и замки, связанные узкими серыми ленточками дорог, казались игрушечными, словно расставленными на громадном макете, то сбегал вниз, к прозрачным рекам, катящим зеленые волны у подножий гор. Этот захватывающий цветной фильм время от времени прерывался черными пустыми кадрами — мы пролетали туннели и потом в горле долго першило от едкого паровозного дыма. Так и наше радостное настроение омрачалось мыслью, что недалеко, за горами — друзья — киевляне, но твердо установленный туристский маршрут не дает нам возможности навестить их в этот раз...

Вот, наконец, надвинулся на нас Зальцбург. Когда-то с высокого баварского „альма" — горного луга — мы уже любовались им, раскинувшимся как на ладони в недоступной нам Австрии. Но и тогда, и теперь нам удалось только издали полюбоваться этим городом Моцарта в надежде на будущее более близкое знакомство.

Пока же нам предстоит знакомиться с Веной, и с утра мы, не жалея ног, бродим по городу, иногда пользуясь и милым красным, напоминающим Киев, трамваем. День серый, но теплый и тихий — приятно отдохнуть на скамейке среди цветов, перед нарядным памятником Моцарту в чинном Бурггартене, в течение века бывшим императорским садом. Теперь, вместо придворных, в нем полно туристов, устраивающих себе передышку после посещения расположенных вблизи музеев.

Оставив позади сутолоку нового элегантного вокзала и Мариагильферштрассе, мы с каждым часом глубже уходим в романтическую атмосферу старой Вены. На узких улицах вокруг Гофбурга, императорского дворца Габсбургов, немало красивых старых домов, преимущественно в стиле барокко, выстроенных представителями древних и богатых родов центральной Европы, слетавшихся из обширных поместий в эту самую блестящую столицу своего времени. Теперь в окнах многих из этих когда-то нарядных особняков, как и в окне палаццо Паллавичини, выставлена скромная белая карточка — „Антикварная торговля". Вероятно, богатые туристы могут приобрести там часы и шкатулки, играющие нежные мелодии, старинный фарфор, люстры из богемского хрусталя и парчевую мебель, когда-то украшавшую гостиные Лобковицов, Эстергази и Кинских...

Выходим на Михаэлерплатц и долго любуемся искусными завитками кованой арки над проходом, ведущим в мрачную резиденцию австрийских императоров, выдержавшую за семьсот лет три осады и один большой пожар. Гофбург строился и расширялся на протижении этих семи веков, но больше всего потрудился над созданием гармоничного ансамбля Фишер фон Эрлах, знаменитый венский архитектор конца семнадцатого века.

Подымаемся по парадной лестнице в аппартаменты Франца-Иосифа и императрицы Елизаветы. В 1854 г. двадцатичетырехлетний император женился на своей

семнадцатилетней баварской кузине, одной из первых красавиц Европы, заключив таким образом двадцать второй брак между представителями дома Габсбургов и дома Виттельсбахов.

Молодая австрийская императрица была не только исключительно хороша собой, но выделялась умом и серьезным образованием. Прогрессивные стремления сделали Елизавету со временем чуждой двору ее мужа, зато доброта и широкая благотворительность создали ей самую широкую популярность среди народов „ лоскутной " империи. Но особенной любовью пользовалась она у венгров, и недаром на самом обаятельном портрете, висящем в овальной раме над рабочим столом ее мужа, она изображена в коронационном уборе венгерской королевы.

Елизавета знала и любила литературу. В свое время она пожертвовала крупную сумму на то, чтоб в Германии был поставлен памятник Гейне. В этом усмотрели политическую демонстрацию и император заставил жену взять пожертвование обратно. Однако, на вилле императрицы на острове Корфу память поэта была все же увековечена. Не тонкая ли рука Елизаветы поставила и эту небольшую бронзовую группу, так странно выделяющуюся на фоне нарядного салона в завитках рококо — Лев Толстой за плугом ? . .

Но изящная женщина не только любила чтение, но и гимнастику, лошадей и собак. Фрейлины, подавляя вздох, должны были следовать примеру своей монархини в специальной комнате дворца, снабженной гимнастическим оборудованием, и недаром в „ Народном саду " над прудом красавица-императрица застыла в мраморе с двумя своими гончими у ног.

Вероятно, молодая женщина тяготилась жизнью в Гофбурге, с его однообразными раззолоченными покоями, неизменно отделанными в двух цветах Австрии — красном и белом. С конца семидесятых годов императрица

почти всю жизнь проводила в путешествиях, словно чувствовала, что в Вене подстерегает ее самое страшное горе — загадочная смерть кронпринца Рудольфа.

Этот город лежит в зеленом кольце Венского леса, и кольцо это с годами не становится более тонким и узким, как стершееся от времени золотое кольцо на руке старухи. Габсбурги сделали Венский лес заповедником для своих охот, а один предусмотрительный бургомистр писаным законом оградил его от посягательств промышленности и жилищного строительства. С высоты Каленберга, где когда-то христанские войска собирались под знаменем польского короля Яна Собесского, чтоб разбить турок, обложивших Вену в 1683 году, туристы любуются теперь с террас кафе широкой панорамой нарядного города и зелеными холмами Венского леса.

Там, в дали, окутанной осенней серой дымкой, лежал и Майерлинг, охотничий домик Габсбургов, где были найдены тела кронпринца Рудольфа и молодой баронессы Марии Вечеры. Тайна их смерти так и не была никогда раскрыта полностью. Впрочем, императорская семья и не способствовала этому, несколько раз меняя версию о гибели наследника и не давая полного доступа к бумагам, связанным с его жизнью и смертью. Известные всем нелады молодого принца с отцом повели к слухам и толкам, ширившимся и обраставшим подробностями, несмотря на строгий запрет. Как бы там ни было, Рудольфа похоронили с большой пышностью и тело его лежит в „Кайзергруфт" — подземелье церкви Капуцинов, где под богато разукрашенными и совсем простыми надгробиями покоится свыше ста сорока Габсбургов и куда бодрым тенором зазывает туристов толстощекий гид. Тело же юной баронессы увезли из охотничьего домика ночью, посадив то, что осталось от Марии, в карету между двумя родственниками покойной, и предали земле на кладбище старинного аббатства в том же Венском лесу. Охотничий домик снесли, и на месте его теперь стоит монастырь кармелиток.

Но прелестная женщина в пышном белом платье, улыбающаяся нам с портрета Вингергальтера в бело-красном зале Гофбурга, еще не знает о трагическом конце, уготованном ее сыну. Не знает она и о том, что в сентябре 1898 г., она будет смертельно ранена остро отточенным напильником. Итальянский анархист Луиджи Луккени решит убить австрийскую императрицу только потому, что у него не хватит денег на поездку в Рим, где он мог бы покончить с королем Умберто.

К счастью для людей, будущее пока-что скрыто от них, и я не думаю, чтобы стоило стремиться заглянуть в него.

Самая старая часть императорского дворца, сохранившаяся с тринадцатого века, когда-то охранялась швейцарцами и потому носит название „Швейцарского двора". Здесь жил кронпринц Рудольф, здесь же находится и сокровищница Габсбургов. Мы долго рассматриваем там затканные золотом плащи и обсыпанные драгоценностями регалии рыцарей Золотого Руна, расшитые одеяния герольдов и древнюю корону Священной Германо-Римской Империи. Этой тяжелой, увенчанной крестом и странным гребешком короне ровно тысяча лет, и покрыта она сотнями ярких, еще не граненых камней и жемчужин. Она настолько велика, что не держалась на голове более слабых потомков могучих предков.

Обычно корона находилась в Нюрнберге, но когда Наполеон положил конец существованию Священной Германо-Римской Империи, корону спрятали от него в Вене, римской Виндабоне, где умер в 180 г. н. э. император Марк Аврелий. Тут корона оставалась до 1938 г. Гитлер отправил ее в Нюрнберг, но американские власти вскоре после окончания войны снова вернули драгоценную реликвию в Вену.

Странно выглядит на фоне этих корон, орденов и мечей нарядная золоченая колыбель с лавровым венком

над пологом и орлом в ногах, словно охраняющим сон Орленка. В этом подарке города Парижа счастливым родителям спал когда-то белокурый Римский король, сын Наполеона, увезенный трехлетним малюткой ко двору деда, когда его отец отправился в свое первое изгнание. Но Орленок — это Шенбрунн, наиболее близкий к русским дворцам по отделке и убранству, наиболее волнующий, как подлинный исторический фон любимой пьесы. Пока же, из Швейцарского двора мы входим в капеллу, служившую церковью для императорской семьи. В ней по воскресеньям поет хор венских мальчиков, хорошо знакомый американцам и любимый ими.

Пройдя под аркадами можно попасть и в другой своеобразный дворец, расположенный совсем неподалеку — в знаменитую на весь мир Испанскую школу верховой езды. Здание это, одно из лучших образцов стиля барокко во всем городе, теперь восстановленное и отремонтированное, выглядит так же нарядно, как и во времена Венского конгресса. Правда, тогда десять тысяч свечей заливали светом манеж, в котором помещались целые рощи апельсинных и лимонных деревьев. Но и теперь это очень эффектное зрелище, которым можно насладиться даже и не побывав в Вене, так как история белых венских коней относительно недавно послужила канвой для фильма Уолта Диснея, да и сами они выступали в Америке, где зрители могли любоваться исключительной грацией и точностью движений этих мощных красавцев, в жилах которых течет кровь их испанских, арабских и неаполитанских предков. С тех пор, как в 1572 г. была основана эта школа, с императорского конного завода в Северной Италии сюда поступали умные, благородные „липпицаны", которых вначале тренировали, как боевых коней, а позже просто, чтоб радовать глаз „каприолями" и „левадами". В 1942 г. немцы вывезли редкостных коней в Чехословакию, но американская армия вернула их, и о безопасности лошадей по-

заботился сам генерал Паттон, когда-то восхищавшийся их выступлениями на Олимпийских играх.

⁂

Вена хмурится, Вена прячет свое очарование, разгоняет его порывами холодного ветра, и вот-вот закроет свое лицо вуалью дождя. Продрогнув, мы подкрепляемся то „Захерторте”, то пьем кофе с пирожными у когда-то гремевшего, тесного Демеля, а потом еще с большей жадностью стараемся вобрать в себя новые впечатления. Увы, нас уже постигло разочарование — прославленная своей красотой Национальная библиотека закрыта на ремонт и мы так и не попали в нарядный, украшенный статуями зал, где в роскошных переплетах стоят почти недоступные для читателей книги.

Но собор Св. Стефана уже полностью восстановлен и мы решаем, не медля, отправиться туда. Ветер утих, и по дороге мы разглядываем в витринах магазинов венских изделий, попадающихся на каждом шагу, игрушечных ежиков, одетых в самые разнообразные костюмы, от пожарного до врача, мисочки. покрытые разноцветной эмалью, и различные вещицы, вышитые petit point — швом, на котором так набили руку венские мастерицы. Качество вышивки зависит от умения и опытности, а размеры вещей — на любой вкус и карман, от крошечных серег и брошек до комплектов для обивки мебели, но в ручной вышивкие самого высокого качества на один квадратный дюйм материала приходится до трех тысяч стежков.

В окне парфюмерного магазина я вижу флакончик, украшенный такой вышивкой. Нам показывает эти изделия почти девочка, но с обручальным кольцом на руке и с высокой прической и кокетливо падающей на лоб прядью, как у многих венок. Высокие скулы, темные глаза на свежем и милом румяном лице что-то смутно

напоминают мне — вот таких стройных кароокиx дивчат в венках, лентах и кораллах считали мы красавицами в далеком каневском детстве, когда, гостя у деда, любовались ими в праздничный день у церкви.

И словно подхватив мою мысль, а вернее фразу, брошенную мужу по-русски, продавщица, краснея, спрашивает нас, не говорим ли мы также и по-украински. Получив утвердительный ответ, она сразу переходит на этот язык, а узнав, что я киевлянка, тихо ахает и приговаривает : — Боже ж мой, моя мама тоже оттуда, а я уже в войну родилась, ничего не знаю . . . Я тут замужем за австрийцем . . .

Неожиданная землячка провожает нас до дверей и в глазах у нее слезинки, но в магазин уже входит новая покупательница и она, привычно улыбаясь, спешит узнать, что требуется „ гнедиге фрау ” . . .

Древний собор, построенный в романском стиле, потом два века перестраивался, пока не стал готическим. Долго любуемся мы удивительным каменным цветком, протягивающим свои три лепестка с изящными жилками для поддержкания органа. Сложная чашечка как будто бы выходит из каменного окна, откуда до половины высунулся и сам мастер, вырастивший этот цветок. Он необычайно живой, с запавшими щеками и резкими складками в углах рта, с рассыпавшимися по плечам густыми волосами, с угольником и циркулем в худых руках. Так неприкрашено изобразил себя Антон Пилграм, создавший в этом же соборе ажурный амвон поразительной красоты. И снова в камне под амвоном распахнулось окно, и осторожно придерживая его пальцами, усталый изможденный мастер вот уже 540 лет любуется своим произведением. А может быть он выглянул, чтоб позвать каменную собаку, исступленно лающую на ползущих по перилам изящно изогнутой лестницы символических ящериц и жаб ?

Какое счастье, чтот этот одушевленный камень не

погиб при обстрелах Вены турками и французами и остался неповрежденным даже тогда, когда в 1945 году рухнула охваченная пламенем узорчатая крыша собора, выложенная разноцветными глазированными кирпичами. Увы, тогда сгорели на хорах скамьи пятнадцатого века с изображением Страстей Господних, считавшиеся одними из лучших образцов старинной резьбы по дереву во всей Европе.

Теперь собор полностью восстановлен и, видимо, выглядит даже наряднее прежнего, так как при реставрации с внутренних стен смыли толстые слои сажи, умышленно нанесенные несколько столетий тому назад для придания собору более траурного вида во время чьих-то похорон. В апреле 1952 г. отстроенный собор был снова торжественно открыт и в честь этого события была даже выпущена серия почтовых марок, на которых изображены наиболее выдающиеся архитектурные и скульптурные сокровища этого замечательного храма.

Мы привыкли к тому, что собор Парижской Богоматери неизменно связывается в нашем представлении с Квазимодо и Эсмеральдой. Но и вокруг венского собора, многовекового центра городской жизни, сплетен целый венок легенд и преданий, о которых рассказывает Дороти Мак Гиган в своей книге „Вена сегодня". Вот эта полная грации статуя Богоматери, перенесенная теперь поближе к амвону Пилграма, получила в устах народа странное название — „Мадонна горничных". Предание гласит, что когда-то девушка, несправедливо обвиненная своей госпожей в краже драгоценностей, умоляла Богоматерь о помощи и получила ее. С тех пор эта статуя считалась особой покровительницей венских горничных, жаловавшихся ей на скверный характер своих хозяек.

Выйдя из погребка, где мы с аппетитом проглотили хлебный суп и гуляш, мы оказались в тылу собора, недалеко от старинной статуи Христа. Согласно преданию, трое подвыпивших студентов позволили себе кощун-

ственно заметить, что лицо страдающего Христа скривилось, как от зубной боли. Не успели студенты вернуться домой, как чудовищная боль свела им челюсти, выгнав весь хмель, и унялась только тогда, когда студенты искренно помолились у ног статуи, прося прощения за неуместную шутку.

Темнеет, и мы, уже не задерживаясь, спешим в наш отель. Нужно хоть немного отдохнуть и переодеться — в этот вечер нам предстоит посещение другого знаменитого здания Вены, тоже разбитого бомбами, тоже горевшего весной 1945 года, но, так же как и собор, уже полностью восстановленного. Немедленно после окончания войны, не успев даже отстроить жилые кварталы, венцы взялись за восстановление Оперного театра. Несмотря на американскую помощь, работы затянулись на десять лет, и только в 1955 году при огромном стечении почетных гостей венская опера снова открыла двери для любителей музыки. Внешне здание выглядит теперь так же, как и до катастрофы, но внутри произведены многие усовершенствования.

Нарядный бело-красно-золотой зал сияет огнями. Мы любуемся чудесной центральной люстрой необычайной формы —на потолке громадное кольцо, горящее хрусталем и с внешней стороны, и с внутренней. Изо всех входов текут людские ручейки, но русла их строго разграничены. Здесь не так, как в Киевской опере, по крайней мере в наше время, друзья, оказавшиеся в партере и на галерке, могли сойтись в антракте в фойе. Здесь мы отрезаны от людей, сидящих выше и ниже нас — бархатные жгуты перекинуты через лестничные площадки, зрители входят в различные двери и не смешиваются в антрактах.

Кстати, здание оперы и до реставрации не могло считаться особенно старинным — постройка его была закончена только в 1869 году. Первые же итальянские оперы шли на сцене Придворного театра, где, до того, как

Мария-Терезия открыла его для широкой публики, только небольшой круг избранных мог наслаждаться необычайным богатством постановок, позже значительно упрощенных. Так, опера „ Золотое яблоко " шла при 67 переменах декораций ! Здание Национального театра, где впервые шли „ Фигаро " и „ Cosi fan tutti " Моцарта, не сохранилось, как не сохранилось и большинство из двенадцати различных домов, в которых жил композитор-бедняк, для которого Вена оказалась злой мачехой, не отметившей даже для потомства его могилу. Но дом, в котором он написал „ Женитьбу Фигаро " превращен теперь в музей Моцарта.

Я надеялась в душе, что в Вене нам удастся послушать одну из его опер, но билеты для американских туристов оказались заказанными на „ более созвучную " для них, но неоднократно слышанную нами „ Мадам Беттерфляй ". К тому же в программе было указано, что по случаю внезапной болезни герра такого-то и фрау такой-то, их партии любезно исполнят другие артисты.

Не знаю, вследствие ли молниеносного гриппа или же бурной театральной ссоры, но молодой, легкомысленный Пинкертон оказался раскормленным пожилым брюнетом и если мог чем-либо удивить публику, то только крайней доверчивостью, с которой признавал своим златокудрое, неизвестно в кого пошедшее дитя. Зато Лотта Ризанек, певшая Беттерфляй, пленяла не только прекрасным голосом, но и естественным, каким-то очень целомудренным исполнением своей роли. Костюмы и декорации японского постановщика были также очень хороши.

Весь следующий день мы посвящаем музыкальной Вене, все же далеко не ознакомившись с тем богатым наследием, которое оставили этому городу многочисленные жившие и творившие в нем композиторы. Здесь веселый и бедный Иосиф Гайдн нашел могущественного покровителя, принца Эстергази, и здесь же, в небольшом

доме в переулке, названном теперь его именем, он умер, познав всю сладость прижизненной славы. Тело престарелого композитора проводил к месту последнего упокоения почетный караул, специально присланный Наполеоном, в то время занявшим Вену своими войсками.

И на долю Бетховена, прожившего более тридцати лет в этом городе, выпало немало прижизненных триумфов. В маленьком уютном домике у старой городской стены, где композитор провел десять с лишним лет и написал Четвертую, Пятую и Седьмую симфонии и Лунную сонату, открыт теперь маленький музей. Но в нем посетитель не найдет заглавного листка Героической симфонии с посвящением Наполеону, которого Бетховен считал убежденным республиканцем. Скомканный листок, вырванный с горечью композитором, когда до него дошла весть о провозглашении Наполеона императором, хранится в Национальной библиотеке.

Скромный дом, в котором увидел свет Франц Шуберт, теперь также открыт для посетителей. В нем можно увидеть записи прелестных песен, которые молодой композитор делал на обороте карточек с меню тех погребков и кафе, которые он любил посещать, подобно Тулуз Лотреку, часто делавшему наброски для своих будущих картин на таких же листках. За свою короткую жизнь чрезвычайно плодовитый композитор оставил музею мало личных вещей — у него никогда не было собственного рояля и очень редко бывал собственный угол.

Мы стоим перед его довольно невзрачным памятником в Городском парке, а потом долго бродим по дорожкам этого чудесного сада, почти пустого в хмурый день. Толстые белые пеликаны, переваливаясь, бесстрашно подходят к нам, но застав нас врасплох, обманываются в своих гастрономических ожиданиях и обиженно направляются к пруду, вероятно, чтоб предупредить пестрых уток о совершенной нецелесообразности встречи с нами.

Темная вода пруда в оспинках тихого дождя и дорожки временами начинают влажно блестеть, но трудно отвести взгляд от грациозных струй, то напоминающих танцовщиц с изящно сведенными над головой руками, то склоняющихся к самой поверхности воды, как эти же балерины в глубоком театральном реверансе.

Здесь нам становится ясно, чего нам так не хватает в парках Америки с их зелеными лужайками — там ведь нет европейских затейливых клумб, красиво окаймленных бордюрами из ковровых растений. Вот и наш десятимильный парк в самом сердце Вашингтона рассчитан на автомобильные прогулки и еду, приготовленную на специально устроенных там печах и поглощаемую тоже на специально поставленных „ пикниковых " столах. Отправляясь в наш парк, люди одеваются попроще и захватывают с собой корзинки с провизией и одеяла, чтоб поваляться на земле, или мячи, которыми они перебрасываются целыми часами. А в Вене можно, присев на густо расставленные скамейки, любоваться элегантно одетыми гуляющими, неторопливо обмениваясь фразами со знакомыми, тоже пришедшими сюда, чтоб полюбоватся цветами и выпить чашку кофе со сбитыми сливками на террасе открытого кафе. Здесь люди фланируют, читают, вяжут, болтают, просто отдыхают, гуляют с детьми, слушают музыку, одним словом живут ... И кажется, что бронзовый Штраусс, стоящий среди них в беломраморном кольце движущихся по кругу легких тел, все еще играет на бронзовой скрипке чудесный вальс. И даже если Дунай у Вены не голубой, а серый, он всегда кажется голубым после третьего стакана вина, как уверяет наш гид ...

⁂

Сегодня с утра солнце то и дело выглядывает из-за туч, словно хочет показать нам Шенбрунн во всей его красоте. Хотя попасть туда можно с нашей шумной

Мариагильферштрассе, свернув прямо в Дворцовую аллею, мы сразу же окунаемся в совершенно другой мир. Теперь Вена поглотила летнюю резиденцию австрийских императоров, лежавшую когда-то за пределами города, но сады золотисто-желтого дворца все еще превышают площадь, занимаемую княжеством Монако, и ковры цветников так же радуют глаз, как и во времена Марии-Терезии. Трудно поверить, что этот заботливо содержащийся дворец тяжело пострадал во время последней войны от воздушных налетов и на его территорию легло больше 260 бомб.

В вестибюле дворца посетителей встречает его последний долголетний хозяин. Der alte Herr, как венцы все еще любовно называют Франца-Иосифа, родился здесь в те времена, когда в этих же стенах медленно умирал :

Лишенный прав священного наследства,
Лишенный славы, отнятой у детства,
Принц, бледный принц . ..

Человек, чей портрет так ярко написал Алданов в своем последнем романе, тоже умер в Шенбрунне, в скромной комнате, обставленной удобной мебелью с коричневой стариковской обивкой. Но хотя его бюст у входа заботливо убран зеленью и цветами, в этом дворце царит не он. Здесь все связано с величавой женщиной, открывшей двери новой и любимой резиденции для блестящих балов и приемов, и с юным принцем, томившимся жизнью полупленника за оградой дворца, у входа в который на обелисках все еще красуются золотые французские орлы, оставленные здесь его отцом.

Светлы и веселы парадные покои Шенбрунна, с окнами, выходящими на цветники, в конце которых на холме возвышается „ Глориэтта " — изящный Храм Славы. Мы осмотрим каких-нибудь сорок комнат из 1441, находящихся во дворце, где архитектор предусмотрел устрой-

ство 139 кухонь, но где не было ни одной ванны... Вот Миллионая комната, вся из драгоценного розового дерева, с множеством медальонов из рисованных на шелку персидских миниатюр, стоивших даже в те времена свыше миллиона крон. Этот китайский кабинет, в котором Мария-Терезия любила подолгу работать, весь разукрашен сливающимися с отделкой стен подставками, на которых красуется множество бесценных, но миниатюрных китайских ваз. Гид намекает, что посетители могут не стараться приобрести их в виде сувениров — древние вазы теперь надежно приклеены к полкам.

Чтоб не отрывать Императрицу от занятий, тут же в центре кабинета из-под пола подымался накрытый стол, совсем как в царскосельском Эрмитаже. А какие полы в Шенбрунне! Затейливо выложенные сложным узором из плиток дерева разных оттенков, они напоминают нам паркеты Гатчины или Останкино. Неудивительно, что шестилетний Моцарт, выступавший здесь перед своей монархиней, поскользнулся на их блестящей поверхности, и в порыве детской благодарности дал себе слово жениться на пришедшей к нему на помощь девчурке — Марии-Антуанетте. Мы уже видели эту милую сцену, но, конечно, не в Шенбрунне, а в Вашингтоне, очарованном исключительным мастерством и изяществом Зальцбургского театра марионеток, где тонкое искусство передается от отца к сыну в течение многих лет.

Небольшая комната, отделанная белыми плитами с нанесенными на них синей краской рисунками, сохранила память о будущей злосчастной французской королеве и ее сестре — все рисунки работы молодых принцесс. И они сами, и их братья и сестры смотрят на нас со многих полотен — почти в каждой комнате есть портрет Марии-Терезии со все большим количеством детей — их у императрицы было 16 человек! Трудно себе представить, как мать такого семейства умудрялась прилежно

заниматься государственными делами, покровительствовать наукам и искусствам и находить время для весьма любимых ею увеселений, концертов и театральных зрелищ.

Проходя анфиладу покоев, мы обратили внимание на пузатые белые с золотом печи без дверец. Оказывается, их топили из узких, темных коридорчиков, оставленных между смежными комнатами, куда вели замаскированные двери и где бесшумно двигался целый штат слуг. Тридцать других лакеев следили за люстрами Шенбрунна, меняя в них свечи. Теперь с электрическими лампочками в виде свечей дело обстоит легче, но даже они настраивают нашего гида на ностальгически-лирический лад. Щелкая выключателем, он с большим пафосом сообщает нам, что в зале, где когда-то танцевал Венский конгресс, все таком же нарядном (если не считать отличающегося по цвету участка нового паркета вместо искалеченного бомбой) при свете 800 „ свечей ” 500 человек танцевало венский вальс „ в тот вечер, когда впервые за 50 лет здесь прозвучала фраза — „ Ваше Величество ” — обращенная к Шаху и Императрице Фаре ”.

Пройдя Лаковую китайскую гостиную, где, согласно авторской ремарке Ростана, разворачивается второе и третье действие его драмы, мы попадаем в комнату Наполеона, дважды останавливавшегося в Шенбрунне. В ней жил его сын, и нарядная ширма скрывает кровать, на которой умер герцог Рейхштадтский. Но худой, красивый юноша все еще спит в этой затянутой искусно вытканными гобеленами комнате, высеченный из мрамора с точностью посмертного слепка. Возле него под стеклянным колпаком — небольшая птичка. Говорят, что в течение пяти лет она прилетала сюда, и герцог кормил ее, потом выпуская в парк. Когда же он умер, птица осталась запертой во дворце и погибла. Не берусь отделять исторический факт от сантиментальной легенды

и за подлинность птицы тоже не ручаюсь, но Орленок жил и томился именно здесь, из этого окна смотрел он на цветники своей золотой клетки и, быть может шептал, как и в пьесе, так чудесно перенесенной на русскую сцену Т. Щепкиной-Куперник :

Не мелодрама здесь, и не отравой
Рейхштадтский герцог медленно томим. . . .
Я болен, болен именем своим,
Звучащим грозной и могучей славой !

В этот вечер мы никуда не идем, а поужинав в отеле, слушаем, как уныло барабанит дождь, и перебираем накупленные открытки и диапозитивы. Есть на них и уже знакомые нам золотая колыбель и пышная, печальная комната. Через несколько часов мы уедем из Вены, но с пленником Шенбрунна не расстанемся до конца нашего путешествия — в Париже мы не только увидим его гробницу, но и гневного, остроумного, трогательного, вечно живого в огнях рампы Орленка . . .

III. — ВЕНЕЦИЯ

Поезд быстро мчится, глотая километры, отделяющие нас от Венеции. В спальном вагоне тишина, но вдруг, как от толчка, я просыпаюсь от подкравшейся мысли — а что, если идет дождь, или просто небо затянуто тучами? Тогда все потеряно : сырость и слякоть заслонят красоту удивительного города, как они уже помешали сохранить в памяти Вену зеленой и нарядной.

Нерешительно протягиваю руку к занавеске, плотно закрывающей окно, зажмурившись, твержу про себя нечто вроде заклинания, дергаю шнур и с отчаянием открываю глаза — все вокруг бледно-голубое, нежное и сияющее. Кажется, что поезд идет по воде, во всяком случае только ее и видно в окна с обеих сторон.

Как-то сразу начинают суетиться пассажиры, муж стремительно бреется, кося глаза на окно, я тоже не отрываю взгляд от воды, все более яркой и веселой окраски, и механически собираю вещи. Господи, просто не верится, что сбылась мечта юности, нет, даже и не мечта — кто же в Киеве мог мечтать о Венеции в наши времена ? ! ! А ведь тяга к этому городу жила во мне всегда, разбуженная еще рассказами отца и снимками, беспрестанно питаемая книгами и картинами. И вот сейчас мы увидим знаменитые на весь мир стариные здания . . .

Но первое впечатление от Венеции — новый, очень современный вокзал. С другой стороны от него — пристань, а оттуда, по Большому Каналу, нас несет „ вапоретто ", то, что в СССР называли „ речной трамвай ", уже знакомый нам по милому фильму „ Летнее время ",

где главной звездой является не Кэтрин Хэпберн, и не Россано Брацци, а сама красавица-Венеция.

Как известно, город имеет на карте форму рыбы (помоему, именно широкой и плоской камбалы) и на самом брюшке у нее, там, где полагалось бы быть плавнику, тянется Рива дельи Скиавони, широкая и красивая набережная. Там и наш отель, но мы не спешим, нам даже досадно, что шустрый „ вапоретто " слишком быстро несется мимо кружевных зданий нежных пастельных тонов. Между ними — зелень и цветы на каждом клочке или в вазонах и ящиках на площадках, стенах, подоконниках, лестницах и балконах. Большой Канал латинской буквой „ s " извивается по телу „ рыбы ", между рядами палаццо и более скромных домов всюду блестят ленты каналов, перехваченные пряжками мостов, под которыми, как черные лебеди, бесшумно проплывают гондолы. Мы знаем, что таких мелких каналов (их в Венеции называют „ рио ") около 150, а мостов — 400, от знаменитых, как Мост Вздохов и Риальто, до крошечных, узеньких, где едва можно разойтись с идущим навстречу человеком. Все мосты — горбатые, со ступеньками с обеих сторон. Это относительное новшество : раньше они покато сходили к берегам каналов, так, чтоб по ним могли проезжать всадники.

Чуть ли не у каждого дома торчат из воды столбы, к которым привязывают гондолы. Столбы эти раскрашены в разные цвета, иногда даже украшены гербами, но чаще всего они полосатые, очень смахивающие на столбики, служащие рекламой для американских парикмахерских, только здесь полоски не движутся, как на этих рекламах. Зато вокруг все движется — бегут солнечные зайчики, перескочившие из воды на старые стены, набегают волны, пробегают моторные лодки, тяжело нагруженные какими-то ящиками или корзинами с фруктами и овощами.

В нашей светлой, нарядной комнате дышится легко

— теплый ветер Адриатики надувает тюлевые занавески, как паруса, а за открытым окном раскинулся бирюзовый простор и на нем, как корабль на волнах, темнеет красивый остров Сан-Джорджио с высокой стрелкой кампаниллы и приземистым зданием монастыря.

С удовольствием запиваем завтрак „капучино" — крепким кофе, разбавленным горячим молоком, хотя истые американцы относятся с презрением к такому способу приготовления их любимого напитка. Зато подает нам это кофе официант с такой величавой осанкой, что ему мог бы позавидовать и дож.

Вдоль Рива дельи Скиавони выстроились дворцы. В одном из них, предоставленном ему Венецианской Республикой, некогда жил и Петрарка, подаривший городу в благодарность за гостеприимство свою библиотеку. Теперь у многих палаццо с геральдических щитов над входом убраны гербы, а вместо них появились названия отелей. По набережной все время течет людской поток — это ведь одно из немногих мест в Венеции, где можно без труда передвигаться пешком, не ожидая, что, засмотревшись на ее красоты, вот-вот свалишься в воду.

Мы идем к площади Святого Марка — она совсем неподалеку, — и слева от нас сверкает на солнце лагуна, а у причалов, мерно взлетая на волнах, покачиваются десятки гондол. Справа, под аркадами, тоже все сверкает, там продают сувениры, главным образом связки разноцветных бус. Стекло издавна — венецианская специальность, все туристы ездят на остров Мурано и осматривают прославленные стекольные заводы, да и тут витрины горят теплыми яркими тонами этих стеклянных изделий. Впрочем, их можно купить и в магазинах Америки, да еще и за половину цены, требуемой с туристов, и без риска разбить в дороге. Но моя сумка разбухает от нарядных, покрытых узором бус и мы спешим дальше исполнить туристский ритуал.

На площади, залитой солнцем, под звуки музыки,

несущейся из открытых кафе, мы один за другим покупаем мешочки с кукурузными зернами и кормим прожорливых жирных голубей, садящихся нам на руки и плечи и даже друг на друга, в три этажа, чтоб схватить золотые зерна. Устав, присаживаемся за столик кафе и любуемся неповторимой панорамой, лениво смакуя мороженое, хотя это лакомство на своей родине не поражает более высокими вкусовыми качествами, чем в столь полюбившей его Америке.

Но вот бронзовые мавры на вершине Часовой башни ударили своими молотками по старинному колоколу. Уже полдень, и кажется, что золотой крылатый лев на той же башне оттого так досадливо нахмурил лоб, что яркое солнце бьет ему в глаза и мешает заглянуть в книгу, на которой покоится его лапа. Мы спешим под сень пяти полукруглых куполов, подымающихся между острыми золочеными башенками, в собор, снаружи больше напоминающий дворец, чем храм.

К этим главам собора, похожим на купола мечети, не идет кампанилла, вонзающаяся в небо, как пространственная ракета. Да фактически она и по времени ближе к веку космических кораблей, чем к эпохе талантливых зодчих, возведших окружающие ее здания. Правда, ее начали строить в девятом веке, еще на римском фундаменте, достраивали и в двенадцатом, и в шестнадцатом веках, но в 1902 г. она рухнула по неведомой причине, и была заново возведена только пятьдесят с лишним лет тому назад, в 1912 г., точно на том же месте и точно такого же вида, как и ее предшественница.

Что касается самого собора, то его задумали строить еще тогда, когда в 828 г. два венецианских купца привезли из Александрии в Египте тело св. Марка. От двух более ранних храмов не осталось теперь и следа, а нынешний собор строился в венецианско-византийском стиле в 1063-71 годах неизвестными мастерами. Внутреннее убранство собора было изменено и дополнено в готиче-

ском стиле в начале четырнадцатого века, но с 1500 года собор в основном принял тот вид, который пленяет нас и поныне. Именно тогда Джакопо Сансовино, скульптору и архитектору, украсившему Венецию многими своими работами, была поручена реставрация собора. За дело взялись так рьяно, что даже потеряли место погребения святого, в честь которого так ревностно украшался храм. Все же в конце-концов могилу снова обнаружили и место это теперь отмечено теплящейся лампадой, а Сансовино за свои заслуги перед городом удостоился чести быть погребенным перед алтарем храма.

Если теперь смотреть на это величественное сооружение глазами туриста, а не искусствоведа, можно только поражаться удивительному сплетению казалось бы совершенно несовместимых элементов. Византийская позолота и строгие лики на мозаиках и фресках напомнили мне Софийский собор родного Киева, но тут же статуи святых и тонкая резьба в готическом стиле разбили эту иллюзию. А в знаменитой „ Пала д'Оро " оба эти стиля слились для создания изумительного произведения искусства — в этом своеобразном иконостасе византийские медальоны вставлены в золотое готическое кружево. Но и мавританское влияние, так ярко сказавшееся на Дворце Дожей, отчетливо видно в этом храме.

Много времени проводим мы в нем, то поднимая глаза к куполам, откуда льются потоки света, то опуская их к замечательной, сохранившейся с двенадцатого века мозаике пола, заметно осевшего во многих местах и теперь чуть ли не такого же волнистого, как поверхность венецианских каналов. Даже в названиях изображений Пресвятой Девы, укращающих собор, проявляется смесь, на этот раз земного с небесным. Мадонна делла Скарпа — „ Мадонна Башмака ", изваянная Антонио Ломбардо, навеяна легендой о том, как башмак, принесенный Ей бедным крестьянином, превратился в золотой, а Мадонна делло Скиоппо получила свое название от висящего рядом ружья.

И во внешней отделке собора царит смесь совершенно разнородных декоративных элементов. Для нас кажется странным, что над главным входом в собор, над мозаикой, изображающей Христа, кощунственно взвились на дыбы бронзовые кони, предназначавшиеся в четвертом веке нашей эры для украшения триумфальной арки римских императоров. На фасаде, обращенном к Дворцу Дожей, нашла себе пристанище странная группа — памятник египетского искусства, созданный в том же веке, что и римские кони. Для оправдания помещения этих фигур, высеченных из темного, почти черного камня, в виде украшения христианского храма, понадобилась легенда о четырех мавританских королях (?), якобы пытавшихся выкрасть тело святого Марка.

Но все это, вместе взятое, производит чарующее впечатление, и в отличие от старинных соборов с царящим в них полумраком, ласкает глаз нежными красками. В этом, вероятно, самом радостном храме Западной Европы, человек мог не только думать о прощении своих грехов и молиться о жизни вечной, но и благословлять свое земное бытие.

Не знаю, когда Площадь Святого Марка и все примыкающие к ней здания более прекрасны — сияющим ли утром, в алых лучах заката или на фоне ночного неба. Мы любовались ими в разную пору дня и поняли, почему Наполеон называл эту площадь „ самым лучшим приемным залом Европы ”.

Но Венеции дорого обошелся этот комплимент. Оккупировав в 1797 г. древнюю Венецианскую Республику, Наполеон положил конец ее многовековому существованию. Владычица Средиземного моря, победившая в 1380-81 гг. свою соперницу — Геную в „ столетней войне ”, ставшая с пятнадцатого века властительницей не только Крита и Кипра, но и „ твердой земли ” — северо-восточной Италии с такими значительными для того времени городами, как Верона и Падуя, Венеция ко времени втор-

жения французов уже успела потерять власть над островами и свои колониальные владения в Леванте, но именно Наполеон нанес ей последний удар, передав ее, вместе с Истрией и Далмацией, во владение Австрии. Только в 1866 г. Венеция вошла в состав новообразованного Итальянского королевства.

Над узким каналом, отделяющим нарядный, весь сквозной, с нежно-розовым фасадом Дворец Дожей от мрачного соседнего здания, высоко повис Мост Вздохов, напоминающий старомодный белый шкаф. Не бывавшие в этом городе люди часто думают, что его название, мелькающее в книгах, имеет романтическую подкладку. Увы, это не так, и происхождение его гораздо более трагическое, чем вздохи отвергнутого влюбленного.

Мост этот соединяет Тюремный замок с Дворцом Дожей и состоит из двух параллельно идущих проходов с окнами, выходящими в разные стороны. Страшные венецианские „Пиомби" — тюремные камеры под самой свинцовой крышей, нагревавшиеся солнцем до того, что узники невыносимо страдали от жары, да и остальные, не на много более терпимые каменные клетки, описаны во многих романах и исторических трудах. Поэтому не буду останавливаться ни на Тюремном замке, ни на тяжелой роскоши парадных покоев дворца с раззолоченными потолками, испещренными медальонами с фресками Тинторетто, Тьеполо и Веронезе. Скажу только, что между приливами и отливами туристских волн, мы рассмотрели и „пасть льва", узкую щель в стене, куда опускались тайные доносы, и, не спеша, обошли залы, которыми славится этот дворец, украшенные портретами всех дожей, пожизненно стоявших во главе государства в течение ровно одиннадцати веков, с 697 по 1797 год. Фриз из таких семидесяти шести портретов идет под потолком громадного зала Большого Совета, продолжаясь на потолке другого зала, из которого можно выйти прямо на Мост Вздохов. Первый из этих залов — самый большой

в мире из построенных без поддержки колонн, — вмещал около тысячи членов совета, происходивших из знатных венецианских семейств и выбиравших главу государства — дожа. Но со временем почти вся власть сосредоточилась в руках Совета Десяти, и только один дож попытался добиться единодержавия, мечтая ниспровергнуть правление знати. Его портрет был бы сорок восьмым в украшающем залу фризе, но вместо него там на черном фоне лишь краткая латинская надпись: „Это место Марино Фальери, обезглавленного за преступления".

Человек этот родился в восьмидесятых годах тринадцатого века и был выбран дожем уже в довольно преклонном возрасте, в 1354 г. Правление его было недолгим — старый дож, искусный дипломат и воин, не мог ужиться с нобилитетом. Опираясь на моряков и такие цехи, как кораблестроители и конопатчики, Марино Фальери составил заговор, который дал бы ему, в случае удачи, всю полноту власти. Но накануне решающего дня заговор был раскрыт, и отрубленная голова дожа скатилась уже 15 апреля 1355 года со ступеней той самой Лестницы Гигантов, где так любят сниматься туристы.

Время окружило имя Марино Фальери легендой, подведшей под историческую канву романтическую подкладку. Образ и трагическая судьба этого дожа, якобы мстившего за оскорбление жены, нанесенное догарессе, да и ему самому одним из венецианских патрициев, вдохновили многих поэтов, писателей и музыкантов. Так, в частности, стал он героем трагедии Байрона, любившего Венецию, прожившего в ней три года и написавшего здесь „Беппо", „Мазепу", четвертую песнь „Чайльд Гарольда" и начало „Дон Жуана". Фальери посвящена и драма Свинберна, новелла Э.Т.А. Гофмана „Дож и догаресса", опера Доницетти и многое, многое другое.

Глядя на пустое черное пространство, я невольно вспомнила другую пустую доску, выделявшуюся среди

множества портретов в другом зале, в другом городе, где тоже были острова и каналы, но вода в них отливала свинцом . . . В „ Галерее Отечественной войны 1812 года ”, в бывшем Зимнем дворце, среди портретов кисти Доу, мое внимание привлекла доска в золоченой раме, с выбитым на ней именем генерал-майора Адама Ивановича Баллы.

Грек с острова Мореи, привезенный в Россию десятилетним мальчиком, А. И. Балла стал преданным сыном своей новой родины. Примененная им военная хитрость привела к бескровной сдаче турками Бендер. Запершийся в крепости паша, наблюдавший за движением русских войск в местечке, не подозревал, что устрашавшие его русские силы были . . . одними и теми же солдатами, переодевавшимися по приказу Баллы в форму разных полков. Но особенно отличился Балла под Измаилом, за что и получил от Суворова особый „ похвальный лист ”.

В своих „ Письмах русского офицера ” Федор Глинка упоминал, что „ все жалеют о смерти отличного по долговременной службе, необычайной храбрости и доброте душевной ген. Баллы ”.

И вот, от этого человека, видимо, не осталось ни миниатюры, ни какого-либо иного портрета, по которому английский художник мог бы воссоздать облик этого доблестного командира, находившегося в передней цепи стрелков и павшего 5 августа 1812 г. под Смоленском.

Разные доски, разные судьбы у венецианского дожа и русского генерала . . .

⁂

Нельзя быть в Венеции и не покататься на гондоле, и в тихий предзакатный час мы выбираем приглянувшуюся нам из целого ряда ее товарок, с высоко поднятым над водой посеребренным носом, похожим на палаш, с неизбежным букетом искусственных цветов, воткнутым в специально сделанное отверстие. Хозяин ее, в

сине-белой полосатой „тельняшке", в широкополой соломенной шляпе с алой лентой — профессиональном наряде гондольеров, не спеша, доедает внушительный кусок арбуза и, сплевывая косточки, называет довольно высокую цену, сразу же добавив к ней предупреждающую фразу: „Меньше не возьму, у нас тариф, как в других городах у шоферов такси". Что ж, приходится согласиться, корка арбуза летит в воды лагуны и гондольер принимает свою изящную позу.

Познакомившись с парадной частью Венеции, нам хочется хоть немного заглянуть в ее душу, в те уголки, где мало туристов, где необычайный город живет своей обычной жизнью. Гондола скользит по мелким каналам, ловко обходя стройных сестер и пузатые моторные лодки, ныряя под узкие мостики, подгоняемая ударами единственного длинного весла. Закинув голову, мы смотрим на здания, облупившиеся, покрытые пятнами сырости, с нежилыми нижними этажами, где, мы знаем, гнездятся крупные, как кошки, крысы.

Вспоминаем мальчугана-американца, при нас допытывавшегося у отца, где же у венецианцев „гаражи" для гондол. Эти первые, нежилые этажи именно и служат укрытием для своеобразных местных „такси". Но и верхние этажи многих домов тоже выглядят нежилыми, или же ставни прикрыты только для защиты от яркого солнца?.. Легкие волны тихо плещут у ступеней, уходящих прямо в воду — ведь за каждое столетие Венеция оседает на каких-нибудь пятнадцать сантиметров, и стихия, в свое время служившая надежной защитой могучему городу, теперь неумолимо подтачивает здания, возведенные на дубовых сваях. К тому же, каждый год, в ту пору, когда дует сирокко, вода, гонимая его дыханием, заливает более низкие места в городе, в первую очередь проникая в собор Св. Марка.

Мы удивляемся странной, временами очень сложной нумерации домов. Оказывается, что в шести районах,

или „сестьери” Венеции в адресах могут разобраться только почтальоны, проходящие, до поступления на эту должность, особый курс обучения с учетом местной топографии.

Конечно, над нашими головами время от времени свисает белье, развешанное на веревках, протянутых между уступами старых домов. Однако, я должна разочаровать любителей живописной нищеты, так часто изображаемой на полотнах художников — белье новое, добротное.

Вот мы проплываем мимо некрасивого желто-серого старого здания.

— „Дом Марко Поло” — говорит наш гондольер, указывая веслом на мрачную стену, уходящую прямо в воду канала.

Здесь жил каких-нибудь семьсот лет тому назад этот венецианец, еще юношей предпринявший с отцом и дядей свое удивительное путешествие. Он первым из европейцев не только проник на Дальний Восток, но и стал важным вельможей на службе у китайского императора. Сюда, в родной город, после двадцатилетнего отсутствия, привез он богатства, собранные в Китае и Индии. Но самое бесценное сокровище создаст он позже, в тюрьме, где пленник генуэзцев будет диктовать отчет о своем сказочном путешествии, и отчет этот станет классическим источником для изучения Дальнего Востока того времени.

Вот прямо над каналом, на крошечной площадке, поставлены два столика — хозяин траттории устроил в добавление к ней и кафе на открытом воздухе. Но мы пообедаем в более удобном месте, за оградой из вьющегося по столбам винограда, в тылу собора, и в последний раз полюбуемся несравненной площадью при свете тяжелых тройных фонарей.

Нам грустно — так не хочется расставаться с Прекрасной Дамой Италии, величавой в своем умирании,

столько сохранившей от былой красоты... Неужели же не помогут ей продлить свою жизнь, не помешают уйти на дно лагуны, стать градом Китежем атомного века? Неужели волны будут перекатываться через эти белые купола, стаи рыб будут проноситься над нежным кружевом дворца, потерявшего свой румянец под слоем ила? Построив Венецию, человек совершил одно чудо, но он должен совершить и второе — спасти эту когда-то жестокую, жадную красавицу, трогательную и поэтическую в своей беззащитной старости.

IV. — ФЛОРЕНЦИЯ

Я очень ждала встречи с Флоренцией и в моем воображении она вставала как-то ощутимее других городов, в которых мы собирались побывать. Мы были подготовлены к сокровищам ее галерей и знали наиболее яркие страницы из истории этого древнего таинственного города, неизвестно кем и когда впервые заложенного. Но особенно привязались мы к Флоренции, если можно так выразиться в отношении никогда не виденного города, читая „ Agony and Extasy " Ирвинга Стона, любовно описавшего флорентийские улицы, площади и церкви. В самом начале книги упоминается и Санта Мария Новелла, где Микеланджело еще юношей помогал своему учителю Гирландайо в создании знаменитых фресок.

С этой же церкви началось и наше знакомство с городом : отель, где мы остановились, оказался в двух шагах от нее. Едва помывшись с дороги и сменив узконосые туфли на итальянские сандальеты, я тороплю мужа идти осматривать эту церковь с таким же узорчатым фасадом из бело-серого мрамора, как и у знаменитого собора. Пока мы любуемся фресками Гирландайо и Учелло, природа готовит для нас незабываемую картину — лучи заходящего солнца освещают витражи узких окон и многоцветные радужные отсветы падают на старые камни. Кажется, что в стенах открылись новые окна, а за ними лежит уже неземной мир. Отражение становится все более отчетливым и на фоне райских кущ показываются легкие, дрожащие фигуры святых. Затаив дыхание, стоим мы в пустой церкви, а потом на цыпочках выходим из нее, словно боимся спугнуть это видение.

Зато, по контрасту, Флоренция поражает нас своей

суровостью, узкими улицами с палаццо, похожими извне на тюрьмы, где окна нижних этажей защищены крепкими решетками, а в толстые стены вделаны тяжелые кольца — поменьше — для втыкания факелов, побольше — для привязи лошадей. Мы читали об этих домах-крепостях, скрывавших в своих стенах сокровища и надежно защищавших жителей во время стычек между гвельфами и гибеллинами, приверженцами папы, стоявшими и за свободу городов, и приверженцами германского императора. Но одно дело читать, а другое — идти узкими улицами, похожими на мрачные коридоры. Позже мы будем бродить в прославленных садах Боболи с их изящным Фонтаном артишоков и скульптурным портретом бесстыдного толстого карлика Пьетро Барбино, оседлавшего черепаху. Мы будем любоваться виллами, прячущимися в густой зелени на склонах холмов, но в центре старого города мудрено найти деревья — там царит только желто-серый, хорошо обтесанный камень.

Еще в Венеции мы забыли о пальто и плаще, с которыми не расставались в Вене. Тут еще теплее и не тянет сыростью от каналов, хотя вечер уже ложится густой вуалью на мрачные здания, на тихие воды Арно, в которых светлячками горят отражения идущих в четыре этажа окон старого моста — Понте Веккио. Мы просим шофера такси подвезти нас прямо к бело-черной громаде Собора, и только тогда ощутив голод, усаживаемся за столик на открытой площадке. Тени от листьев винограда, традиционно обвивающего столбики, отделяющие тратторию от улицы, ложатся на скатерть, грозди его розовеют от близости газосветных трубок — на темном фоне ярко горит красным знакомый абрис головы в странном, почти женском чепце. „Sasso di Dante", вот как называется этот „исторический ресторан", устроенный, по уверению хозяина, именно на том месте, где на камне любил сиживать Данте.

Мы любуемся четким профилем, но тут же вспоми-

наем, что, в сущности, всем знакомый облик поэта лишен полной достоверности : Бокаччо, ранний биограф и земляк Данте, еще застал детей и поклонников поэта, в то время уже стариков. Записав их рассказы, Бокаччо изображает Данте бородатым, но подтверждает, что у него было постоянно грустное лицо с орлиным носом и выдающейся нижней губой и большие печальные глаза.

И вообще как мало мы знаем о величайшем поэте Италии, чьи терцины распевались в народе уже в четырнадцатом веке ! Странно, что родная Флоренция не сохранила памяти ни о семье, в которой в 1265 году появился на свет Дуранте Алигиери, ни сведений о ранней юности и образовании того, кто так блестяще завершил процесс создания литературного итальянского языка и ввел в него множество тосканских разговорных выражений. Зато всем известна легенда, поддержанная и самим поэтом, утверждающая, что на майском празднике девятилетний Данте залюбовался своей сверстницей Беатриче, а еще через девять лет, встретив ее уже замужней, навсегда сделал ее владычицей своих помыслов и своей путеводной звездой. Беатриче рано умерла, но осталась жить в „Божественной комедии", где поэт ни разу не упомянул жену свою Джемму. Как часто такое забвение выпадает на долю многолетних спутниц поэтов и писателей, которым их великие мужья дарят только детей и заботы . . . Мы не знаем, была ли Джемма, на которой Данте женился якобы из политических соображений, такой Ксантиппой, как ее изобразил Бокаччо, или просто скучной, честной, чадолюбивой матроной. Во всяком случае, осев под конец жизни в Равенне, Данте был окружен сыновьями, ставшими позже его комментаторами, и дочерью, носившей, понятно, имя Беатриче, но он никогда не вызвал жену разделить с ним изгнание.

Впрочем, мы удивительным образом не знаем даже того, чем занимался в изгнании великий поэт и где именно провел он годы до поселения в Равенне. Мы знаем

только, что во Флоренции тридцатилетний Данте вступил в цех аптекарей для получения гражданских прав. Через пять лет он был избран в Коллегию приоров, то-есть стал членом правительства родного города, а после победы „черных” гвельфов навсегда был изгнан из его пределов.

На всех углах во Флоренции продают открытки и копии с известной картины : на ней Данте, на фоне старого моста, глядит на идущую мимо в сопровождении двух подруг Беатриче. Неизвестно, так ли в действительности звали дочь Фолько Портинари, пленившую воображение поэта, но в этот вечер мы были у изображенного на картине моста, мы верим, что запиваем наш ужин душистым вином именно там, где любил отдыхать Данте, так поверим же и в Беатриче !

Потом мы снова идем узкими улочками, вымощенными гладкими, как паркет, каменными плитами. Впереди нас мальш, хорошо одетый, как и большинство детей в итальянских городах, тянет за руку отца, настойчиво повторяя: Cavallo, cavallo ! .. И действительно, в конце улицы — просвет и четкий силуэт всадника на тяжелом коне. Еще несколько шагов и мы выходим на Пиацца делла Синьориа, по которой скачет этот флорентинский Медный Всадник — Козимо Медичи, Pater Patriae.

Вот она, эта страшная площадь, где когда-то пылали очистительные костры, в которых гибли сокровища искусства. Здесь позже повесили и неистового фра Савонаролу, разжигавшего своими пылкими проповедями эти костры, а тело его сожгли и пепел бросили в Арно. Невольно приходит на ум рассказ недавно побывавшей здесь подруги о навязчивой спутнице, одной из тех туристок, которые едут в Европу лишь за тем, чтоб важно сказать сослуживцам и знакомым : „Это куплено там, где . . .” На вопрос этой дамы, ничего не знавшей о Флоренции и почти не слушавшей гида, что это, мол, за Савонарола, чье имя так часто упоминается здесь,

подруга, шутки ради, ответила, что это — неверная жена Нерона, которую тут сожгли за измену. Такое сенсационное сообщение весьма заинтересовало даму, и она, усерднее обычного, фотографировала Площадь Синьории.

В памяти встают и страницы замечательной книги Стона, где рассказывается о том, как Микеланджело высекал великолепное тело своего гигантского Давида из испорченной и брошенной другим скульптором глыбы мрамора. Мы любуемся этим белеющим в лучах прожекторов гениальным произведением тогда еще совсем молодого мастера, хотя знаем, что у входа в палаццо стоит только отличная копия знаменитой скульптуры, подлинник же находится в стенах Академии.

Долго сидим мы на платформе Лоджии, охраняемой Марзокко — злым флорентинским львом, изваянным Донателло, а перед нами — изящный Персей Бенвенуто Челлини, столько веков неутомимо держащий в вытянутой руке отрубленную голову Медузы. Но, даже с риском показаться малокультурной, я должна признаться, что Площадь Синьории захватила нас далеко не так, как мы ожидали. Слишком много наставлено скульптурных групп под навесом Лоджии, слишком груб фонтан Нептуна, слишком не подходит прекрасное тело Давида к окружающим его мрачным камням. Кажется, что его вынесли из какого-то пышного зала и оставили у входа в ожидании фургона для перевозки в какое-то другое место... Зато нельзя оторвать глаз от подсвеченной прожекторами и ярко выделяющейся на темном небе по-лебединому грациозной башни, так неподходяще названной Коровьей из-за своего колокола, сзывавшего флорентинцев в минуты опасности или для празднования радостных событий.

⁂

Сияющее утро — не для романтических прогулок вдвоем, а для поспешного и, увы, такого скудного осмот-

ра художественных сокровищ Флоренции. В туристском автобусе мы снова отправляемся к единственной в мире троице, так неповторимо созданной из белого и темно-серого, кажущегося порой темно-зеленым или даже черным, мрамора.

Приземистый, полосатый Баптистерий, загадочный храм, с остатками пола еще римских времен, украшен тремя изумительными дверями из позолоченной бронзы работы Пизано и Гиберти. В нем, под куполом с почти византийской мозаикой, непризнанный папа Иоанн Двадцать третий, бывший также флорентинским епископом, спит последним сном под роскошным нагробием, воздвигнутым Козимо Медичи Старшим, досадившим таким образом Ватикану. Узорчатый собор словно присел под тяжестью гигантской красной шапки — знаменитого купола Брунеллески, а рядом с ним поражает своей легкостью стройная, рвущаяся ввысь красавица — кампанилла Джотто. Как жаль, что дома слишком близко обступили этот несравненный комплекс зданий, и ему как-то не хватает воздуха, нет простора для глаз восхищенного зрителя.

Галерея Уффици кажется нам знакомой, так привычны и известны драгоценные картины и скульптуры, хранящиеся в ее стенах. Я не буду рассказывать о впечатлении, произведенном на нас сокровищами искусства в ней или в каком-либо другом из посещенных нами музеев. О каждой из этих картин или скульптур пером знатоков написаны многие страницы, и недолгие часы, проведенные нами в поверхностном осмотре этих сокровищ, не дают мне права что-либо писать о них. Но с жадностью досматривая в репродукциях и художественных изданиях все виденное и не виденное нами, мы не устанем удивляться тому, как такой суровый город дал миру светлого, бесконечно изящного, всегда немного грустного Сандро Боттичелли... Здесь его картины показывает нам красивый, безупречно одетый, седеющий чело-

век, терпеливо диктующий по буквам название галереи прилежно записывающим туристам. Мы не знаем, кто он, да он и не предлагает нам — „Зовите меня Роберто, или Марио", как это будут позже делать другие итальянские гиды.

С ним же мы посетим и базилику Сан-Лоренцио с ее странным фасадом из рядов грубого кирпича, который так и не был скрыт предназначавшимся ему богатым мраморным покровом. Там, в одной из капелл, построенних по желанию Козимо Медичи как место упокоения его самого и членов его семьи, Микеланджело трудился над созданием необычайного памятника, отражающего течение времени и обреченность человека. Фигуры, изваянные великим скульптором для гробниц тех, кого он любил при жизни, полны трагического символизма : мысли зарождаются в голове Лоренцо Великолепного в утренний час и угасают в час вечерний ; Джулиано исполнен энергии днем и обессиливает к ночи — время убивает и духовные и физические силы человека ...

Из тишины величавых капелл мы сразу попадаем в сутолоку : вокруг церкви прилепились десятки лотков с сувенирами и по площади снуют бесчисленные туристы. Но наш гид предостерегает нас : „Будьте осторожны — в здешнем серебре почти нет серебра, мраморные фигурки сделаны из прессованной мраморной пыли, а добротные кожаные изделия — всего лишь хорошая подделка из пластмассы". Мы внемлем необычному предостережению и умаляем покупочный пыл.

Попрощался с нами наш гид тоже необычно, не так, как все гиды, с которыми мы сталкивались до и после него. Не ожидая, когда после окончания тура его подопечные к словам благодарности присоединят и нечто более вещественное, он проверил, все ли вернулись и заняли свои места, а затем, поручив нас шоферу, коротко пожелал всем счастливого пути и легко соскочил на землю, только помахав рукой вслед уходящему автобусу.

⁂

Уезжаем в Рим. Рано заняли места в поезде и теперь наблюдаем жизнь на перроне. На скамье, перед нашим окном, красивая молодая итальянка льнет к своему спутнику, все время притягивая его голову к себе, ничуть не смущаясь тем, что он невозмутимо принимает прежнее положение, совсем, как наш Ванька-Встанька. Потом мы не раз замечали, что итальянки выражают нежные чувства к совершенно равнодушным на вид избранникам и невольно вспоминали Марчелло Мастроянни в нашумевшем фильме „ Развод по-итальянски ". Оказывается, многое, казавшееся гротеском в кино, оказывается чистейшей правдой ...

В купе у нас два спутника. Украдкой разглядываем их : один, немолодой, щеголеватый, с громадными глазами, с видимым удовольствием рассматривает свои ноги в шелковых носках и нарядных туфлях. Другой, щуплый, небрежно одетый, погружен в чтение книги, типа наших детективных „ пейпер бэкс ", под многозначительным названием : „ OS-117 contra l'F.B.I. ".

Впрочем, вскоре все наше внимание поглощает пейзаж : за окном грядой выростают горы, а на их склонах и в долинах небольшие деревца служат подпорками виноградным лозам, иногда тянущимся гирляндами от одного такого деревца к другому. На холмах раскинулись старинные городки, то там, то здесь подымаются зубчатые башни, высятся почерневшие от времени строения. Милые пейзажи Тосканы и Умбрии так захватывают нас, что понемногу наш энтузиазм заражает и наших спутников. Их теперь у нас уже четверо — в Ареццо в купе заняли места два францисканца в новеньких с иголочки рясах и сандалиях. Один из них лысый, с пышной бородой, с благостным лицом кажется нам ужасно знакомым, — ну, конечно, именно таких святых не раз писали художники Ренессанса. Второй монах жилистый, с крестьян-

ским загаром и большими руками. Он-то и начал нас просвещать :

— Тразимено, Тразимено, Ганнибал ! — вдруг закричал он, показывая на заблестевшее слева озеро, на берегах которого развернулась когда-то знаменитая битва.

— Элефанте, баталья ? .. обрадовался Андрей, вспоминая боевых слонов Ганнибала, крушившего здесь римские легионы.

Щеголеватый итальянец был, видимо, не силен в исторических ассоциациях, но зато знал на зубок, какие вина производятся в той или иной округе. Произнося их названия, он зажмуривался, легонько раскачивался на сиденье и причмокивал. Особую нежность вызывало в нем Орвието и он вспоминал его много раз после того, как старинный городок уже скрылся из виду.

Любитель детективных романов, единственный из наших спутников, немного говоривший по-английски, видимо ждал своего часа : когда поезд летел уже по равнинам Лациума, он вдруг стал энергично тыкать пальцем в окно, приговаривая : — Italian girls!

Мы не поняли — не только девушек, но даже милых осликов с поклажей, временами оживлявших пейзаж, нигде не было видно. Но спутник не унимался : — Old Romans — cowboys, no girls, come here for girls, — с воодушевлением объяснял он нам.

Я догадываюсь, достаю из сумки купленную только накануне открытку с изображением скульптурной группы „ Похищение сабинянок ”, стоящей в Лоджии на площади Синьории в Флоренции, и протягиваю ее нашему собеседнику.

— Si, signora, si, — приходит он в востроп, а францисканцы стыдливо опускают глаза. Такое взаимопонимание настраивает нашего суптника на разговорчивый лад и он сразу же переходит на ломаном английском языке к явно мучающему его вопросу :

„ — Вы в Америке наверное думаете, что все италь-

янцы — гангстеры, раз у многих из них итальянские фамилии. А итальянцы — хорошие люди, только они очень способный народ, всему быстро учатся, все делают лучше других, они первые в музыке, скульптуре, живописи. Они учатся у американцев, и гангстеры выходят у них тоже самые лучшие, самые знаменитые . . .".

Стараясь отвлечь собеседника от скользкой темы, задаю вопрос, какие итальянские блюда нам следует попробовать в Риме. — О, канелони ! — восклицает он, не задумываясь, но сразу же пускается в оживленную дискуссию со щеголем, стараясь установить, чем еще славится Рим. Сходятся они на какой-то курице, которую сначала долго давят под прессом, а потом пекут на раскаленных камнях. Рассказывают они нам об этом с такими свирепыми лицами, что если бы даже судьба свела нас с этой несчастной птицей, у нас сдавило бы горло от жалости и мы не смогли бы ее проглотить. Но наш путь в Италии был усыпан макарони, спагетти, лазанья и феттучини, изрядно нам надоевшими, да безвкусными кусками жареного мяса. Даже пресловутые канелони оказались значительно менее привлекательными, чем наши румяные налистники с творогом.

Вдруг мы теряем интерес не только к гастрономическим, но и вообще к каким бы то ни было разговорам. Не отрываясь, вглядываемся мы в темноту, все чаще озаряемую огнями — поезд подходит к Вечному Городу . . .

V. — РИМ

Пробираясь к выходу в сутолоке римского вокзала, я думаю, каким конретным значением наполнилась для нас старая поговорка : — Все пути ведут в Рим...

Ровно двадцать лет тому назад, расставаясь с родным Киевом в такой же ясный, погожий день ранней осени, могла ли я предполагать, что наши беженские пути приведут нас в столицу Соединенных Штатов, а туристские дороги протянутся оттуда к Вечному Городу ?..

Пока муж старается не упустить из виду носильщика, пообещавшего вывести нас к стоянке такси, я все же, несмотря на темноту, успеваю бросить взгляд налево и направо, но вместе с тем остро ощущаю за спиной чье-то молчаливое, но настойчивое присутствие.

Кто-то, мягко ступая, идет за нами почти вплотную, соразмеряя свои шаги с нашими. Я резко оборачиваюсь и оказываюсь лицом к лицу с высоким и красивым молодым человеком в нарядной шелковой рубашке. В ту же минуту он делает какой-то знак носильщику и последний словно растворяется в воздухе, оставив наши чемоданы прямо на мостовой. Молодой человек, не спрашивая нас, подхватывает их, и с нагловатой вежливостью предлагает следовать за ним. Говорит он по-английски отлично, а автомобиль, к которому он нас, наконец, подводит, оказывается поместительным бело-зеленым шевроле, резко отличающимся от миниатюрных итальянских машин.

— Разве это такси ? — недоверчиво спрашиваю я.

— Это все равно, мадам, — отвечает незнакомец, уже забросивший наши чемоданы на крышу автомобиля и легонько подталкивающий нас к открытой дверце.

Но тут мы категорически заявляем, что возьмем только настоящее такси. Молодой человек зло смотрит на нас, легко сбрасывает чемоданы на землю, захлопывает дверцу и не обращая на нас больше ни малейшего внимания, опять направляется к вокзалу легкой, раскачивающейся походкой. Мы, расспрашивая прохожих, плетемся к стоянке такси.

Пожилой шофер довольно долго везет нас не особенно ярко освещенными улицами. Напряженно всматриваемся, но пока ничего типично-римского, знакомого по картинам, не замечаем, а отель наш напоминает нам одно из новых вашингтонских правительственных зданий, только поменьше размером. Он тоже совсем новый и во всем, включая и название — „Гарден Рокси" — явно рассчитан на американцев. Он весь беломраморный, даже полы в нашей комнате мраморные. Пожалуй, только это и отличает ее от комнаты в хорошем американском мотеле.

Утром за нами заезжают из туристского бюро и отвозят в сад Виллы Боргезе, ставший с 1903 г. одним из римских городских парков, где нас сортируют согласно маршрутам и языкам. Оказывается, что парк этот совсем поблизости от нашего отеля и мы еще не раз побываем в нем, рассматривая памятники великим людям, установленные там под сенью стройных пиний, таких характерных для этой страны и очень нам полюбившихся.

Распределяют нас быстро и энергично, но пересев в удобный и чистый автобус для участия в экскурсии, темой которой является „Древний Рим", мы еще по крайней мере полчаса любуемся commedia dell'arte, разыгрываемой на лужайке группой шоферов и гидов, окруживших немолодого плотного итальянца, вероятно здешнего „менеджера". Все они кричат друг на друга так, что, кажется, сейчас произойдет смертоубийство, потом расплываются в улыбке, один из шоферов комкает какую-то

путевку, в которую долго и яростно тыкал пальцем другой, и бросает бумажку вверх, два раза поддав ее головой. „Менеджер" вскакивает в наш автобус, минуты две сидит в полном изнеможении и наконец слабым голосом спрашивает :

— Вас уже организовали ?

— Yeah, — спокойно отвечает молодой американец, весь обвешанный фотоаппаратами и разными приспособлениями для съемки. — Мы уже давно ждем, пока вы сами организуетесь ...

„Менеджер" выскакивает, еще минут пять что-то кричит, не останавливаясь даже, чтоб набрать в легкие воздуха. В результате, за рулем нашего автобуса появляется шофер, как две капли воды похожий на бравого римского центуриона из очередного грандиозного кинофильма. На место гида водворяется интеллигентного вида господин, одинаково бегло говорящий по-французски и по-английски, и мы, наконец, отъезжаем ...

⁂

И вот перед нами расстилается Форум. Немногие уцелевшие колонны храмов и общественных зданий белеют на фоне ярко-синего неба, вдалеке из темной зелени Палатинского холма поднимаются отдельные зонтики пиний, осеняющие арку Тита и величественные развалины.

Не знаю, как чувствуют себя здесь другие туристы, но нас охватило подлинное волнение — ведь мы у подножия Капитолийского холма ! За нами возвышается довольно мрачное здание „Кампидольо" — теперь там официальная резиденция мэра города Рима, — возведенное в конце шестнадцатого века на развалинах древнего Табулария. К нему ведет красивая лестница, а по краям прелестной площади расположились два богатейших музея.

Мы проходим ниже. Теперь уже в нескольких метрах от нас начинается **Via Sacra** — Священная дорога, вымощенная огромными, сохранившимися от глубокой древности булыжниками, знавшими и легкие шаги весталок и тяжелую поступь триумфаторов.

И пленный Верцингеторикс, доблестный вождь галлов, поднявший две тысячи лет тому назад восстание против римлян на берегах Сены, к которым мы так стремимся, был вынужден придать еще больший блеск триумфальному въезду в Рим Юлия Цезаря и, вероятно, брел, униженный и обессиленный, по этой же древней дороге. Его позже задушили в Мамертинской тюрьме, над которой высится теперь храм — здесь провели свои последние дни апостолы Петр и Павел.

Вот мы подходим к громадной триумфальной арке Септимия Севера. На ней изображены эпизоды из воен этого императора, а также его сыновей, Геты и Каракаллы, с восточными народами. Каракалла, убивший после смерти отца своего брата, приказал повсюду уничтожить упоминание об убитом. Если мы присмотримся к четвертой строчке надписи на этой триумфальной арке, то мы сразу заметим, где было стерто имя Геты. Невольно мы понимающе смотрим друг на друга — стирание имен замученных и убитых со страниц истории в другой, далекой стране еще слишком свежо в нашей памяти...

Перед Курией, где собирались римские сенаторы, позже превращенной в церковь и тем избежавшей полного разрушения, лежит таинственный Черный камень — **Lapis niger**, с высеченной на нем древнейшей латинской надписью. Ученые не смогли пока расшифровать ее или раскрыть назначение этого камня. Так и живет предание, что он, якобы, указывал место погребения Ромула, основателя Рима.

Остатки колонн и стен, старые плиты, откопанные после веков забвения, слышали речи Цицерона и трагическое обращение Марка Антония у лежавшего здесь

же мертвого тела Цезаря. Здесь пылал священный огонь Весты, и здесь же римские красавицы покупали дорогие румяна и притирания. Здесь вершили суд, и здесь же менялы бряцали монетами, здесь проигрывали в кости красивую рабыню и смиренно приносили жертвы богам.

А потом жизнь отхлынула к Марсовому полю, к форуму Траяна, и старые здания были оставлены на милость ветра и дождя. Травы затянули булыжники Священной дороги, сорняки пробились между плитами. Затем и лучший мрамор пошел на строительство пышных папских дворцов, а в шестнадцатом веке могучее сердце древнего города должно было вынести и последнее поругание — на заросшем пустыре, превращенном в свалку, расположился скотный рынок . . .

Вероятно, не только религиозное чувство или историческое прошлое, но и длинные сверх-постановочные фильмы из жизни древнего Рима подогревают интерес туристов к Колизею : только в Сикстинской капелле такая толчея, как у развалин этого грандиозного сооружения. Огромный амфитеатр словно облеплен внутри мухами — такими маленькими кажутся фигурки людей, двигающихся в разных направлениях. Конечно, это здание пострадало от времени и человеческих рук, сорвавших всю его внутреннюю мраморную отделку и лишивших его многочисленных статуй, украшавших его ниши и верхнюю часть на подобие зубцов короны, и теперь оно может дать лишь слабое представление о былом архитектурном величии и красоте постройки.

Вспоминаем, как в послевоенные годы, в газете для оккупационных войск в Германии „ Stars and Stripes ” мы прочли о наивном американском солдате, внимательно осмотревшем руины Колизея и сказавшем с огорчением своему итальянскому спутнику : — „ Да, вот это здорово разбомбили ! Но ничего, по плану Маршалла мы все это поможем вам восстановить ! ” . . .

Никакое время не может стереть память о многих

тысячах мучеников, погибших в этих стенах, да и о несчастных гладиаторах, плативших за право продлить свой земной срок только смертью менее опытного или более слабого товарища. Подавленные этими мыслями мы незаметно отделяемся от нашей группы и сами пробираемся к нашему автобусу, стоящему неподалеку. Сейчас не хочется слушать вопросы деловито щелкающих аппаратами спутников о высоте и ширине здания, о количестве помещавшихся в нем зрителей, о породах диких зверей, терзавших здесь людей...

Но в автобусе царит еще менее подходящая атмосфера. Наш „ центурион " — шофер вытянулся на свободных сидениях и, закрыв глаза, блаженно слушает, как в его радиоприемнике в полную мощь звучит чистый девичий голос, повторяя зовущий к поцелуям англоитальянский припев :

Казанова, кисс, кисс,
Казанова, бач, бач...

⁂

После развалин римского Форума, где только арки, остатки стен да колонн указывают на былое величие, Пантеон поражает нас своими размерами и общей сохранностью.

Построенное Агриппой за двадцать семь лет до начала нашей эры, позже перестроенное императором Адрианом, величественное круглое здание сохранилось до наших дней, не претерпев каких-либо существенных изменений, разве только папа Урбан Восьмой воспользовался частью внутренней мраморной отделки для строительства своих дворцов. Здесь нет окон, и лучи яркого сентябрьского солнца льются внутрь через отверстие в куполе, освещая древний римский храм, превращенный в церковь двенадцать веков тому назад. В нем спит последним сном Рафаэль, и мне, в простоте душевной, стало жаль художника, так любившего воздух и светлые, радостные краски, но

обреченного лежать в холодном, пустом и строгом древнем храме. Однако, как я узнала позже, сам Рафаэль выразил желание быть погребенным здесь, где через три с половиной века покоронили и Виктора Эммануила II, вместе с Гарибалди и Мадзини добившегося объединения Италии. Но память его почтили не здесь, а соорудили импозантный белоснежный музей - памятник — „ Витториано ", знакомый, как и знаменитая „ Испанская лестница " каждому, кто хоть ненадолго побывал в Риме или просто интересовался этим городом.

⁂

С утра мы осматриваем Ватиканский музей, вернее музеи Ватикана, так как это богатейшее собрание состоит из ряда коллекций, иногда носящих имя собравшего их папы. Музей Киарамонти назван так по фамилии папы Пия VII, музей Пия и Климента, заложенный двумя папами, включает и четыре зала Бельведера, где находятся знаменитые статуи — Аполлон и Лаокоон.

Картинная галерея, в которую мы попадаем, пройдя обширный Египетский музей, является результатом заказов и приобретения картин выдающихся итальянских художников разными папами в разные времена. Один зал отведен полностью Рафаэлю и там мы впервые увидели, кроме картин, и десять гобеленов, выполненных фламандскими мастерами по рисункам художника.

Ватиканская библитека — громадное собрание документов и инкунабул, в частности по истории христианства. Богато расписанные, роскошные залы, в которых она расположена, показались нам несколько аляповатыми, кроме очень интересного Зала географических карт. К ней примыкают пышные „ Аппартаменты Борджиа ". В них жил самый порочный из пап, Александр VI Борджиа, чьими незаконными детьми были пресловутый Цезарь и очаровательная Лукреция. Отделаные по приказу папы нарядные покои, расписанные Пинтуриккио, служили

местом оргий, нередко заканчивавшихся отравлениями и прочими преступлениями. В течение долгого времени покои были заброшены и только в девятнадцатом веке было решено поместить в них печатные книги Ватиканской библиотеки.

Прямо из этих аппаратаментов, хранящих в себе много мрачных тайн, мы переходим в жемчужину Ватикана — Сикстинскую капеллу. Построенное по приказу папы Сикста IV в 1470 г. это в архитектурном отношении совершенно неинтересное сооружение, задуманное как личная капелла пап, превратилось в один из самых замечательных памятников искусства благодаря гению Микеланджело, покрывшего весь потолок и две стены своими фресками. О душевной горечи Микеланджело, оторванного от любимого мрамора приказом неумолимого папы Юлия II, о сверхчеловеческом физическом напряжении, потребовавшемся для росписи громадного потолка, прекрасно рассказал Ирвинг Стон в уже упомянутой мной книге „Agony and Extasy".

По узкой лестнице мы переходим в залы, расписанные Рафаэлем и его ближайшими учениками и расположенные прямо над аппартаментами Борджиа. Фрески эти известны всему художественному миру и не мне останавливаться на них, но прежде чем покинуть музеи Ватикана, мне хотелось бы упомянуть о замечательной, ведущей в них и построенной в тридцатых годах нашего века спиралеобразной лестнице, в некоторой степени как бы предвосхитившей идею, воплощенную Райтом в нью-йоркском Музее Гугенгейма.

Побывали мы и в церкви Сан-Пьетро ин Винколи (Св. Петр в цепях), где показывают тяжелые цепи из удлиненных звеньев, хранящиеся под стеклом в раззолоченном ящике, и ведут туристов к знаменитой скульптуре Микеланджело — „Моисей", стоящей над гробом папы Юлия II, так круто распоряжавшегося судьбой гениального флорентинца.

Мы так устали от всего виденного и физически и эмоционально, что у нас кружится голова и все плывет в главах. Необходимо немного отдохнуть и освежиться и мы подзываем такси, указав на карте желаемое направление.

Сады Пинчио прелестны, и с их террасы открывается незабываемый вид . . .

Мы долго стоим у каменной баллюстрады и смотрим, как легкий ветер перебирает перистые листья пальм. На плече у меня букетик каких-то мелких цветов, похожих на крохотные цикламены — мне их настойчиво приколола „ на счастье " худая, смуглая продавщица.

Тут так хорошо, что понимаешь, почему когда-то богач Лукулл выбрал это место для своей виллы. Все знают, что он щедро угощал друзей изысканными обедами, а многие ли помнят, что он был благороден и справедлив и не только слыл большим библиофилом, но и открыл свою обширную библиотеку для всех, желавших пользоваться ею.

Уходить не хочется — недаром здесь подолгу сиживал Гоголь, очень любивший Рим и живший в нем годами. Трудно себе представить, что такие русские „ Мертвые души " были написаны именно в Риме, но увлечение великого писателя великим городом более чем понятно. Вот только Тибр вряд ли мог идти в сравнение с Днепром, которому Гоголь так восхищенно польстил, или с полноводной величавой Невой . . . Еще подъезжая к Риму, мы никак не могли понять, отчего наши дорожные спутники с восхищением указывали нам на какую-то речушку с незнакомым названием „ Тевере " . . .

Пожалуй, Тибр красив там, где богато украшенный статуями мост ведет к розоватому барабану Замка Св. Ангела. Это странное цилиндрическое здание, задуманное как усыпальница римского императора Адриана, превращенное папами в крепость, а Теодорихом — еще и в мрачную тюрьму, хранит память о долголетних узни-

ках и кровавых казнях. В нем гибли заключенные, но нередко и спасались осажденные, а теперь оно придает своеобразную красоту римскому пейзажу и его не забудет ни один человек, побывавший в этом городе...

⁂

Во второй половине дня другой автобус уносит нас в Тиволи. Едем мимо кварталов новых домов с дешевыми квартирами, мимо каменоломен, где и теперь еще добывают травертин, светлый плотный известняк, из которого построено большинство римских монументальных зданий, мимо виноградников, где из налитых соком кистей приготовляют знаменитые сорта вин.

Мимо пруда, в котором была найдена громадная древняя ваза, уже виденная нами в английском замке, мимо аллей мощных кипарисов идем мы к романтическим руинам виллы императора Адриана. Судя по развалинам и прекрасно сделанному макету, это была необыкновенно комфортабельная для своего времени (второе столетие нашей зры) и красиво устроенная летняя резиденция, в которой располагалось до трех тысяч человек друзей и свиты императора, его охраны и рабов. Последние ютились, правда, в пещерах, но у каждого преторианца была своя отдельная комната.

Уже на закате, по дороге, вьющейся по серой кудрявой горе, сплошь заросшей оливковыми рощами, мы подымаемся к Вилле д'Эсте. Масличные деревья здесь старые, с несколькими узловатыми, тесно переплетенными стволами. Каждому из них от двухсот до четырехсот лет, а вот этому особенно уродливому, как говорят, и все пятьсот.

Вилла д'Эсте когда-то принадлежала кардиналу, сыну Лукреции Борджиа и герцога Феррары. Само здание мы не осматривали, да, кажется, оно ничем особенным и не славится , но посетителей привлекают сады, сбегающие по горе, разбитые, казалось бы, без всякого порядка,

но где на каждом шагу журчат и бьют великолепные фонтаны, то романтично прячущиеся в тени аллей, то высоко устремляющие свои мощные струи вдогонку за далеко ушедшими в небо кипарисами. Все эти фонтаны, включая и гигантские водометы, которыми так приятно любоваться с террасы виллы, повисшей над садом, бьют вследствие естественного напора воды.

Наша проводница, милая и сведущая итальянская студентка, не торпит нас. Мы уже последняя группа, никого не задерживаем, да, видно, и ей самой приятно без спешки и толпы бродить по дорожкам, прислушиваясь к лепету и мелодичному журчанию струй. Еще светло, но день, потеряв золото и голубизну, уже стоит на пороге сумерек и щемяще напоминает далекую праздничную белую ночь, когда до утра били фонтаны и петергофский парк оставался открытым для молодых и влюбленных.

Мы идем, завороженные прошлым и настоящим. Кажется, где бы мы ни были, нам суждено к легкому туристскому багажу добавлять и невидимый груз — немеркнущую память о родной стране...

⁂

Всюду, кроме Англии, мы, пользуясь тем, что наши дни были только частично заполнены организованными экскурсиями, старались побывать в прославленых храмах не с группой туристов, а вдвоем.

Вероятно, таким образом мы пропустили не одну знаменитую фреску или изваяние, но зато, мне кажется, и уловили что-то от подлинной индивидуальности и духовной насыщенности каждого храма. Вот так, не будучи людьми музыкальными, мы, не различая отдельных технических моментов, все же отдаемся могучей и прекрасной волне звуков.

Новейшие исследования и раскопки подтвердили

давно существовавшую догадку, что громадный величественный собор Св. Петра стоит именно на том месте, где был погребен Апостол. Впрочем, вначале, по приказу Нерона, на этом месте был устроен цирк и много столетий прошло, пока первую скромную христианскую базилику сменило гениальное творение Браманте, Рафаэля, Микеланджело и других выдающихся художников и архитекторов, внесших свою лепту в планировку и украшение собора за долгий период его строительства.

При входе в собор мы не можем сразу охватить его красоты и величия, так как в нем уже устроены места для второго заседания Экуменического совета и вся базилика перегорожена и убрана малиновым шелком. Но на полу центрального нефа ярко выделяется алый круг — именно здесь, на первый день Рождества 800 года папа Лев Третий короновал Карла Великого — „ Шарлеманя ", признав его главой Священной Германо-Римской Империи.

Справа, на мраморном пьедестале восседает бронзовый Апостол Петр. Его правая нога несколько выставлена вперед, и за семьсот с лишним лет губы паломников, благоговейно прикладывавшихся к ней, заметно стерли бронзу.

Мы обходим собор справа, минуя отгороженную для заседаний часть, и в первой же капелле (их шесть, по три с каждой стороны базилики) долго стоим перед знаменитой скульптурой тогда еще совсем молодого Микеланджело. Для меня эта Пиэта, залитая светом, исходящим из невидимого источника, всегда казалась самой волнующей из скульптур религиозного характера, хотя специалисты утверждают, что в ней Микеланджело далеко еще не достиг выразительности, присущей ему в более поздних произведениях.

Справа от Пиэты находится спиралеобразная колонна. Считается, что это одна из украшавших Соломонов

храм и о нее, по преданию, опирался Иисус Христос. Такие же винтообразные колонны поддерживают в центре сень работы Бернини, воздвигнутую на месте упокоения Апостола Петра. На нее льются лучи солнца из отверстий в куполе, и до боли в шее мы стоим, закинув головы, не в силах оторвать глаз от этого потрясающего архитектурного сооружения, свидетельствующего о мудрости, мощи и стремлении человека к красоте, а затем медленно обходим собор, рассматривая пышные и такие многочисленные памятники и надгробия пап. Внимание наше привлекает прекрасная, стоящая в гордой позе женщина — так Бернини изобразил Матильду Тосканскую (1046-1115), ярую защитницу папства, потребовавшую, чтоб германский король, а позже император Генрих Четвертый явился к ней в Каноссу, где она трое суток продержала его на дворе, хотя бушевала мятель, и наконец впустила в свой дворец, заставив его принести папе свои извинения. Именно с этим историческим фактом связано выражение „ идти в Каноссу ", т. е. приносить повинную.

Выйдя из собора, мы еще долго не можем расстаться с площадью, рассматривая знаменитые сооружения. Охваченный с обеих сторон стройными колоннадами Бернини, этот огромный эллипсис с обелиском в центре и мощными фонтанами по бокам, необычайно красив. Залитая толпой, площадь Св. Петра должна представлять собой еще более величественное зрелище, но в этот сентябрьский день по ней проходят только немногие туристы, старательно нацеливаясь фотоаппаратами то на мощный портик собора, то на окна папской резиденции.

К нам подходит высокий белокурый парень и удостоверившись, что мы „ американо ", на хорошем английском языке предлагает купить у него диапозитивы. К сожалению, все, имеющееся у него, у нас уже тоже есть, приобретенное в дополнение к собственным снимкам. Но итальянец, по его словам, побывавший в Соединенных

Штатах с командой боксеров „Золотые перчатки", так легко с нами не расстается :

— Жаль, что вы ничего не можете купить у меня, но пройдите со мной и я вам что-то покажу, — говорит он нам.

Сделав шагов тридцать, мы доходим до вставленного между булыжников небольшого металлического диска. — А теперь смотрите ! — говорит наш проводник. Мы удивленно ахаем — двойной ряд колонн исчез, в каждой паре колонны сдвоились, точно найдя одна на другую... От чаевых, предложенных ему мужем, парень отказался со спокойным достоинством.

— „Я продавец, — заметил он, — а это мой подарок американцам, которых я полюбил, когда был в их стране".

Крепко пожав ему руку, мы с благодарностью сбережем в памяти его подарок. Оказывается, не только прямая как стрела, проложенная по приказу Муссолини, Виа деи Фори Империали, идущая от римского Форума к памятнику объединителя современной Италии, свидетельствует об исторической преемственности — иногда в итальянском уличном торговце выступают черты римского патриция.

⁂

Пробыв в Италии такой краткий срок, мы не можем делать никаких обобщений, отмечая только то, что запомнилось и бросилось нам в глазе. Так, нам **обоим** показалось, а это свидетельствует уже не только о женской слабости, что в Италии очень много красивых мужчин. Я говорю здесь не о специально подобранных красавцах папской гвардии в полосатых оранжево-синих театральных костюмах, придуманных для них еще Микеланджело, с лихо сдвинутыми на ухо черными беретами, не о темноглазых брюнетах в треуголках и с кружевными

жабо, стоящих у порогов храмов и запрещающих вход в них туристкам с обнаженными руками, плечами или в коротких штанишках (кстати, последние почти вывелись в туристской толпе). Эти блюстители порядка так хороши собой, что дамы, засматриваясь на них, спотыкаются и без ступенек.

Я говорю об обычных итальянцах, с которыми мы сталкивались на улицах, в ресторанах, в поездах. А главное, почти все они были милыми, веселыми и услужливыми людьми. У нас даже ничего не украли в этой стране, несмотря на мрачные предсказания бывалых людей и предостережения туристских справочников. Мне возразят, что я слишком снисходительна к родине красавцев, но что ж поделаешь, Италия, carissima mia, действительно завладела моим сердцем . . .

Чего только стоит итальянский полицейский, это разодетый с ног до головы во все белое великолепный „ виджиле ” с тропическим, тоже белым, шлемом на иссиня-черной голове ! Разве его можно сравнить с сухим, деловитым и строгим французским „ ажаном ”, помахивающим дубинкой и сразу дающим понять, что шутки с ним плохи ? Мы как-то раз просто не могли оторвать глаз от такого „ виджиле ”, регулировавшего движение на одной из центральных улиц Рима. Это была не только пантомима, но и классический балет.

Сделав суровое лицо выскочившему вперед крошечному автомобильчику, итальянский блюститель порядка очевидно вспоминал, что на него устремлены взоры синьор и синьорин, и сразу же начинал улыбаться. Поднявшись на носки, он волнистым подрагиванием пальцев одной руки и закругленным жестом другой пропускал мимо себя колонны несущихся автомашин.

И вот что еще бросилось нам в глаза в Италии : на площади Св. Петра продают портреты папы Павла Шестого, но перед сиденьями шоферов, в маленьких трат-

ториях, у продавцов газированной воды — всюду еще улыбается добродушное лицо папы Иоанна Двадцать Третьего.

⁂

Ах, как хорошо, вдоволь находившись по улицам Рима, устало опуститься на легкий стул открытого кафе на Пьяцца Навона и жадно прильнуть к запотевшему стакану с холодным лимонадом! Как хорошо, утолив жажду, безмятежно отдыхать на этой красивой, продолговатой, украшенной тремя грандиозными фонтанами площади, неторопливо расправляясь с внушительной порцией мороженого!

Когда-то здесь находился стадион императора Домициана, где, вероятно, происходили состязания колесниц. Да и позже Пьяцца Навона служила излюбленным местом народных празднеств и разных увеселений. Иногда ее даже затопляли водой и по ней плавали разукрашенные лодки и миниатюрные модели кораблей. В семнадцатом и восемнадцатом веке римская знать любила кататься в нарядных колясках по покрытой водой площади, так же как вашингтонские автомобилисты весело ведут машины по нарочно устроенным бродам в Рок Крик Парке.

Теперь плеск воды доносится только от фонтанов. Мы сидим неподалеку от центрального из них — „Фонтана четырех рек" работы Бернини. Громадные фигуры, изображающие Дунай, Ганг, Нил и тогда только-что открытую испанцами Ла Плату, расположены с четырех сторон сложного сооружения из скал, окружающих древний римский обелиск. Говорят, что глаза Нила закрыты не так для символического намека на тайну рождения этой реки, как для того, чтоб не видеть фасад церкви Св. Агнесы, воздвигнутой по планам архитектора Борромини, соперника Бернини...

⁂

Когда-то Андре Жида спросили, что ему больше всего нравится в Ленинграде. — Старый Петербург, — не задумываясь, ответил писатель. Если бы меня спросили, что мне больше всего нравится в Риме, кроме Древнего Рима, я бы ответила : — Все, связанное с Бернини.

Пышный Фонтан Треви, куда мы направляемся для выполнения туристского ритуала, тоже построен по рисункам Бернини при папе Урбане Восьмом. Этот папа, происходивший из рода Барберини, приказал и тут применить наиболее ценные материалы, добытые при разборке памятников старины, как он неизменно делал и для всех других возводимых по его приказу зданий и сооружений. Недаром возникла остроумная поговорка — **Quod non fecerunt barbari fecerunt Barberini** (чего не сделали варвары, сделали Барберини).)

Монументальный фонтан особенно наряден на фоне безоблачного, яркого неба. Солнце весело играет в его сложых каскадах, а на дне серебрится множество монет. Став спиной к фонтану и соединив наши руки, бросаем в него полагающуюся мзду :

— Милый фонтан, помоги нам опять вместе вернуться в Рим и заглянуть снова в твою чистую воду из источника Треви, которой когда-то утоляли жажду римские легионеры !

⁂

Экспрессивность скульптур Бернини, пожалуй, лучше всего можно почувствовать при посещении „ королевы музеев " — романтичной Виллы Боргезе.

Вход в здание украшен перенесенными с древнеримской виллы мозаиками, изображающими борьбу гладиаторов с дикими зверями, а залы нижнего этажа с богато разукрашенными стенами и потолками служат на-

рядным фоном для скульптур. Здесь царит Бернини, и хотя мы восхищаемся динамичным Давидом, изображенным в момент нанесения удара Голиафу и служащим полной противоположностью статичному Давиду Микеланджело, наиболее пленяет нас группа, украшающая соседнюю залу : Аполлон и Дафна, спасающаяся от преследований бога тем, что она превращается в лавровый куст. Трудно передать всю прелесть и изящество этой группы, и вместе с тем описать тоску и отчаяние на лице нимфы, видящей, что кисти ее рук уже превратились в покрытые листьями веточки. В центре Галереи Императоров, украшенной бюстами повелителей древнего Рима, новая группа Бернини — „Похищение Прозерпины", и просто не верится, что сильные мужские пальцы впились в мрамор, а не в подавшееся под их натиском нежное тело.

В одной из зал туристов приветствует загадочной улыбкой самая знаменитая из хозяек виллы, любимая сестра Наполеона, красавица Полина, вдова маршала Леклерка, вышедшая затем замуж за князя Боргезе.

Прекрасную женщину Канова изваял полулежащей в задумчивой позе на кушетке в стиле ампир. Даже мраморная обивка и подушки этой кушетки, покрытые мелкими складками и морщинками, поражают своей естественностью, молодая же красавица, изображенная в неоклассическом стиле, пленяет чистотой и изяществом линий. Говорят, что Полину Боргезе кто-то спросил, указывая на ее тогда только-что законченный скульптурный портрет, где она изображена почти совершенно обнаженной, не испытывала ли она некоторое неудобство, позируя без одежды ?

— Нет, отчего же, — недоуменно протянула красавица, — ведь в комнате было натоплено . . .

На втором этаже виллы расположена картинная галерея, в которой представлены произведения лучших итальянских мастеров. Занимает галерея девятнадцать комнат и на то, чтоб запечатлеть в памяти эти произве-

дения искусства и должным образом оценить их, нужны многие дни, а не скудные часы туристского расписания.

⁂

Где-то я прочла, что на аудиенции папа (если не ошибаюсь, то Иоанн Двадцать Третий), обратился к одному из посетителей :

— Сколько Вы собираетесь пробыть в этом городе, сын мой ?

Получив ответ, что приезжий намеревается пробыть в Риме три месяца, папа с сожалением покачал головой и сказал : — За этот срок мало что можно увидеть...

Обратившись к следующему посетителю с тем же вопросом и узнав, что он может пробыть в Риме только три дня, папа ободряюще заметил :

— О, за три дня Вы многое увидите, сын мой ! ..

За три дня, проведенные в Риме, мы увидели достаточно, чтоб понять, что мы, по сути, еще ничего не видели...

VI. НЕАПОЛЬ

Пожалуй, легче всего мне писать о Неаполе, потому что в этом городе мы не видели ничего, кроме... самого Неаполя.

Когда наш шофер вскарабкался с нами к отелю на Вомеро, муж оставил меня в холле, а сам бросился в отведенную нам комнату. Я с удивлением посмотрела ему вслед — ведь мне было невдомек, что он проверяет, удался ли тщательно подготовленный для меня сюрприз...

Ах, как он удался! Когда я потянула шнур пышной занавеси, за ней оказался крошечный балкон, а за ним — Неаполитанский залив, в широкой брильянтовой и рубиновой оправе городских огней. Прямо к балкону с другой стороны улицы тянулись пальмы, сказочно залитые зеленым светом. По обе стороны балкона, на холмах, раскинулся город со множеством подсвеченных прожекторами зданий, с переплетающимися гирляндами лампочек, свисающих тонким кружевом над площадями и парками. Вдали, в серебряной воде залива, отражался огненный треугольник — там стоял празднично разукрашенный американский авианосец...

⁂

С раннего утра мы отправляемся бродить по городу. Вначале, в автобусе, стремглав несемся вниз, на крутых поворотах клонимся в разные стороны, как цветы на ветру, но благополучно спускаемся с наших высот туда, где за громадой Анжуйского замка шелковым лазурным платком раскинулось ласковое море. Но мы не спешим к порту. Нам хочется погулять по оживленной Виа Вит-

торио Эмануэле III, пройти мимо украшенного барельефами оперного театра Сан Карло, одного из крупнейших в Европе, построенного еще в середине восемнадцатого века, правда, позже перестроенного. Интересно заглянуть и напротив, в Пассаж Умберто. Там в красивых зданиях, под стеклянной крышей, расположены магазины, кино, рестораны и оживленные кафе, где любят назначать место встречи жители Неаполя. Дальше, справа, тянется сад королевского дворца, у входа в который стоят такие удивительно знакомые кони Клодта . . . Каким образом перенеслись они из далекой Северной Пальмиры в этот южный прекрасный город, где с крыши театра удивленно смотрит на пришельцев сирена Партенопа, по имени которой назывались в древности эти места ? !

Наводим справки и, оказывается, мы не ошиблись — бронзовые „ Укротители коней ” были подарены Императором Николаем I в 1846 г., в память его приезда в Неаполь за год до этого, и являются копией двух из четырех групп, стоящих на Аничковом мосту и так украшающих Невский проспект.

К мягкому неаполитанскому пейзажу странно не подходит мрачный и огромный Кастель Нуово с его мощными бастионами и крепкими стенами. Этот „ Новый замок ” построен в 1279-82 гг. Карлом Первым, Анжуйским принцем, потомки которого владели Неаполем, пока его не включил в свои владения Альфонс Пятый Арагонский, один из самых просвещенных монархов эпохи Возрождения. Это он, в честь своего въезда в Неаполь, повелел воздвигнуть между двумя из трех круглых зубчатых башен замка двойную триумфальную арку, украшенную интересным барельефом, изображающим это событие. Но нарядная арка в стиле Ренессанс, построенная в середине пятнадцатого века, плохо вяжется со строгой громадой замка. А сейчас на фоне старых стен, отделенных от нас лужайкой и пышными клумбами канн, собралась пестрая группа. В центре внимания — девочка, разряжен-

ная в подвенечное платье и фату, с букетом цветом, вероятно только-что получившая первое причастие. Чернобровая итальянка, должно-быть мать девочки, заботливо расправляет ей фату и дает указания, тогда как несколько молодых мужчин подносят к глазам фотоаппараты и то приседают на корточки, то снова выпрямляются, прикидывая, как бы получше снять маленькую „ невесту ". Остальные женщины умиленно вздыхают и хором произносят „ Ке белла " ! (Какая красавица !)

Остановились и мы, залюбовался девочкой и стройный военный с подобием фригийского колпака или детского „ чулка " на голове, законченного пышным помпоном. Пораженные невиданной формой, мы спрашиваем, что это за военная часть ? Оказывается, такова форма неаполитанских берсальеров, в отличие от своих северных братьев, носящих украшенные петушиными перьями головные уборы. Вспоминаем, как жалко выглядели эти перья над посиневшими от холода лицами непривычных к нашим морозам итальянцев в страшную киевскую зиму 1942 года ! Какими больными, нахохлившимися птицами казались замотанные в тряпье берсальеры, дрожавшие в своих легеньких темно-зеленых шинелях ! И как бесконечно далеко отодвинулась от нас эта словно никогда и не бывшая зима . . .

На живописной Пьяцца дель Муничипио, усаженной тенистыми деревьями, фонтаны обдают нас водяной пылью. По широкому авеню спускаемся к морю, к новой Морской станции, где у причалов стоят нарядные суда — бледно-зеленая английская „ Карония " и белоснежный израильский „ Иерусалим ".

Легкий неаполитанский воздух кружит голову, морской ветерок уносит вдаль благие намерения, превращает нас из добросовестных туристов в очарованных странников . . . Для самого Неаполя у нас отведен, к сожалению, только один день, поэтому мы решаем отказаться от посещения музеев, королевского дворца и старинных церк-

вей, словом, всего того, что нужно осматривать, и предпочитаем только смотреть. Околдованные пронизанной солнечными лучами синевой, мы не можем расстаться с морем и небом, с Везувием, с белым, раскинувшимся подковой городом, не можем уйти под своды, отгородиться от всей этой красоты стенами зданий...

Впрочем, с Везувием у нас произошел конфуз — мы его не узнали... Настолько вошел в сознание привычный конус с картинно вьющимся над ним столбом дыма, пленявший нас еще в детских учебниках географии, что мы никак не могли признать гордый вулкан в двугорбой, так безобидно выглядящей горе. Последнее извержение в марте 1944 года окончательно изменило его очертания и с того времени Везувий больше не дымится...

И вот мы начинаем наш долгий путь у залива. Если сдают ноги, прибегаем к помощи городского транспорта, но глазам отдыха нет — они должны подарить памяти и роскошные отели на Виа Партенопе, и воспетый в милой песенке порт Санта Лючия, где сохнут красноватые рыбачьи сети и лодки подвозят громадные искусно оплетенные сулеи вина, и Кастель дель Ово, живописный замок на острове, построенный в двенадцатом веке на месте одной из вилл Лукулла, так умело выбиравшего для них прелестные уголки...

Говорят, что Виа Караччиоло, тянущаяся у самого залива, одна из самых красивых улиц мира. Сидя в тени густых деревьев Виллы Коммунале — обширного и роскошного городского парка, обрамляющего одну из ее сторон, мы не сомневаемся в этом. Мы знаем, что еще не так давно Неаполь, кроме своей красоты, был также известен грязью и нищетой. Теперь трудно этому поверить, столько в нем строится и уже построено новых добротных зданий.

Есть в нем и множество фонтанов, не таких знаменитых, как римские, но часто не менее красивых. А до страшной эпидемии холеры 1884 г., воды в городе по-

стоянно не хватало и у колодцев возникали ссоры и даже драки. К тому же четыре пятых этих колодцев были заражены сточными водами. Эта эпидемия как бы провела черту между старым и новым Неаполем — вскоре после нее город получил прекрасную воду, а новый водопровод, приносящий ее за много миль, проходит почти там же, где тянулся акведук самнитов и римлян. С начала нашего века городские трущобы стали заменяться кварталами новых зданий и процесс этот идет и по сей день . . .

Конечно, мы повидали в основном нарядную и богатую часть города, но стараясь заглянуть и в боковые, скромные улички подальше от излюбленных туристами мест, мы нашли их не более грязными, чем многие улицы Нью-Иорка и Лондона, только гораздо более живописными, что же делается в домах и дворах — судить не берусь.

Зато непривычного человека может привести в ужас неаполитанское уличное движение. Автомобили во многих местах движутся сплошной массой, между ними шныряют прохожие, никакого регулирования, кроме как на главных улицах, нет и в помине. Должно быть, в итальянских автомобилях отличные тормоза, так как водители машин преспокойно останавливают маленькие, но напористые автомобили у самого бедра переходящего улицу пешехода. Правда, машины движутся не особенно быстро, но чтоб не видеть, как они наползают на нас снизу и скатываются сверху, я, переходя улицу, просто зажмуривала глаза и вручала свою судьбу мужу.

В этом городе, больше чем где бы то ни было, мы ощутили тенденцию к дальнейшему росту и развитию в сочетании с непреходящей красотой пейзажа. Огромный порт не только романтичен, но и оборудован теперь по последнему слову техники и легко принимает мощные суда, а на зеленых склонах холмов все еще прорастают золотые зерна своеобразной культуры, посеянные древ-

ними греками, много веков тому назад заложившими здесь „Новый город”, неизменно привлекающий людей, от суровых римлян до современных шумливых туристов.

Добравшись до Марджеллины, любимого уголка художников и писателей, мы без особого труда находим в небольшом парке гробницу Вергилия. Две тысячи лет тому назад, блестящий римский поэт, считавшийся чуть ли не волшебником и прорицателем, предсказал рождение ребенка, долженствующего изменить облик мира. Здесь, в Неаполе, написал он свои „Георгики”, в которых воспел труд земледельца и красоты Италии и которые вошли в литературу как наиболее технически совершенное произведение поэта. Слагая свою „Энеиду”, пятидесятилетний Вергилий решил посетить места, где происходит действие первых книг его поэмы. В Греции он заболел, но все еще, превозмогая себя, продолжал путешествие. Вынужденный все же прервать его и вернуться в Италию, он умер в дороге, в римском Брундизиуме, теперешнем Бриндизи. Говорят, что там до сих пор показывают дом, где великий поэт отошел в вечность. Говорят также, что на смертном одре он потребовал, чтобы прах ого был перевезен в Неаполь и даже сам сочинил себе высеченную на гробнице поэта эпитафию, в которой любимый им город был назван своим древним именем :

Мантуей я рожден ; Калабрией отнят ; храним я
Партенопеей. Я пел — пастбища, пашни, вождей.

Теперь уже, никуда не спеша, мы просто и бездумно отдаемся радости жизни. Сворачиваем наугад, идем узкими уличками, выходим на маленькие площади, прислушиваемся к шуму, доносящемуся к нам из открытых окон — детскому плачу, бурному итальянскому смеху, стаккато женской болтовни . . . В одном нам не везет в Италии — мы нигде не слышим песен, распеваемых для себя, а

не для туристов, в ресторанах для иностранцев. Как мы ни стремились обнаружить хотя бы в Неаполе какого-нибудь романтичного рыбака или на худой конец даже „ лаццарони ”, оглашающего воздух долгожданными звуками „ Вернись в Сорренто! ” или „ O sole mio! ”, нас постигло разочарование — неаполитанцы упорно не пели . . .

Впрочем, на рыбака мы все же набрели, и даже очень скоро. Там, где улица превращалась в какое-то подобие крошечной площади, сидел на корточках человек и, вынимая из большой корзины рыбу, раскладывал ее по сортам на металлические круглые блюда, расставленные прямо на булыжниках. Уже высилась груда сине-серебряных полосатых узких рыбок, похожих на нашу скумбрию, по соседству поместились неуклюжие рыбы с крупной чешуей и презрительным выражением толстогубого рта, за ними шли колбасы угрей, потом смешные круглые рыбы со старательно вырезанным сердечком хвостом.

Занятый своей работой человек не обращал никакого внимания на прохожих, но заметив, что мы остановились и рассматриваем улов, особенно маленьких осьминогов с бородами бессильно повисших щупальцев, улыбнулся и, запустив руку в корзину, протянул мне рыбку. Прелестная, ярко-розовая с чуть сиреневым оттенком, она лежала, как маленькая орхидея на смуглой растрескавшейся ладони. Заметив, что мы переговариваемся на незнакомом языке, человек горделиво сказал только одно слово — „ Colore ! ” — и видя, что мы восхищенно закивали головами, положил рыбку обратно в корзину — на грубых блюдах не оказалось ей подобных.

А как милы итальянские лотки с фруктами, убранные темно-зелеными ветками лимонных деревьев, с тугими кистями винограда, заботливо уложенными на свежие листья ! Янтарные, розовые, зеленые гроздья, с круглыми, овальными и совсем удлиненными ягодами, составляют красивую рамку для сочных алых ломтей арбуза, усеянных черными семячками и такими же черными

мухами . . . И у каждого лотка — обязательное ведро с водой, в котором плавают куски нарезанного кокосового ореха. Заплатив мелкую монетку, можне запустить всю пятерню в воду и выловить себе приглянувшийся кусок, тут же отправив его в рот. Скажу откровенно, мы этим не занимались, но выглядит это весьма живописно.

Почему-то в Италии нам все время хочется пить, и наши странствия прерываются многочисленными остановками — мы заливаем туристский жар в крови то „ лимонатой ", то „ аранчатой ".

Вот и на этот раз мы задерживаемся у столиков, весело поставленных в тени больших деревьев. Совсем свободных столов нет, и мы подсаживаемся к сухому седому старику, видимо надолго занявшему место в этом уютном уголке. Завязывается разговор, состоящий с нашей стороны в основном из улыбок и междометий. Все же перечисляем уже виденные нами итальянские города, искренно прибавляя к их названиям и неизменную похвалу — bello, bello !

Старик оживляется, что-то усердно нам объясняет и из его жестов и часто повторяемых слов „ маре " и „ фуникуларе " мы понимаем, что если мы, мол, подымемся на гору, то перед нами откроется замечательный вид на Неаполь и море. Руководствуясь указаниями — загнутыми по количеству кварталов пальцами и попеременным перечислением нужного нам направления : „ синистра ", „ дестра " (налево, направо) мы, действительно, скоро добираемся до станции фуникулера и занимаем места в вагоне. Подымаемся мы довольно долго, хотя этот фуникулер и менее длинный, чем ведущий на Вомеро. Здесь, как и там, путь прерывается: на остановках входят многочисленные пассажиры.

Судя по нашему путеводителю и плану, мы где-то в районе Старого Позилиппо. Вокруг стоят невысокие дома, то там, то здесь подымаются пинии, но моря не видно . . . Решаю прибегнуть к испытанному способу, не

раз блестяще оправдывавшему себя в наших поездках по Америке, и обращаюсь к двум кудрявым мальчуганам, немедленно берущим на себя роль наших чичероне.

Пройдя немного, мальчуганы сворачивают влево и тащат нас к какому-то стоящему довольно далеко от края улицы, не то недостроенному, не то разрушенному зданию, и что-то наперебой объясняют вышедшему из этого здания мужчине. Тот слушает, кивает, ребята кивают в свою очередь нам и приглашают идти за ними по широкой доске, перекинутой вглубь здания.

Мы обходим груды битого стекла. идем по галерее, окружающей, как мы узнали позже, зал когда-то модного, а теперь заброшенного дансинга, и выходим с другой стороны на террасы, красиво расположенные на горе, с которых раскрывается незабываемо прекрасный вид на город и розовеющий в лучах заходящего солнца Неаполитанский залив, Да, видимо недаром сложилась поговорка — „Взгляни на Неаполь и потом можешь умереть" . . .

Поглощенные созерцанием раскрывшейся перед нами картины, мы не замечаем, что вместо двух ребят лет девяти, в нашей свите их уже пятеро, примерно такого же возраста. Открываем мы это только тогда, когда каждый из них тянет нас в свою сторону, считая, что именно он может показать нам самое красивое место. Насколько мы понимаем, впустивший нас человек — отец одного из мальчиков и сторож „Джардино дельи Аранчи". Нам хочется хоть несколько минут спокойно посидеть на террасе этих „Апельсинных садов", и мы объясняем это ребятам на языке жестов.

Они понимают и отходят в сторону, предварительно попросив у нас сигареты. Конечно, они не получили бы их, если бы мы даже и курили, но и без этого они сразу же находят себе занятие. Оказывается, что неаполитанские мальчишки очень похожи на русских : став на краю террасы, двое из них стараются плюнуть подальше под

крики одобрения зрителей. Видимо, перед нами мастера своего дела, так как остальные ребята в поединок не вмешиваются . . . Не знаю, было ли это внутренним соревнованием, или показом иностранцам того, на что способен Неаполь, но и мы из вежливости уделяем внимание чемпионам. Не забывая о том, что наших чичероне могут хватиться матери, собираемся в обратный путь. На одной из террас встречаемся с двумя парнями, идущими в обнимку, с крошечным радиоприемником в руках. Их „ походочка ”, бачки и неулыбчивые глаза, да какие-то особые, ловкие движения заставляют нас порадоваться тому, что встреча с ними состоялась не после захода солнца . . .

Получив мзду за свои труды, мальчуганы, как воробышки, разлетаются в разные стороны, а мы уносим в памяти розовое море и веселые детские лица . . .

VII. — ПОМПЕИ, КАПРИ

Наш путь в Помпеи ведет сначала по оживленным улицам Неаполя. На одной из них, Роберто, молоденький гид, поблескивающий глазами, золотом креста в открытом вороте рубахи и новым, видимо еще непривычным, обручальным кольцом, говорит наставительно: „— Вот здесь, налево, надо пройти один квартал и вы попадете на черный рынок. У нас он очень хороший : есть большой спрос на американские и японские фотоаппараты . . . "

Гуляя у моря, трудно себе представить, какой Неаполь большой и промышленный город. Автобус долго бежит мимо фабричных зданий и новых домов для рабочих. Здесь есть судостроительные и приборостроительные заводы, консервные, табачные и текстильные фабрики. Говорят, что в нем были даже целые фабрики . . . поддельных древностей для сбыта туристам. Не знаю, процветают ли они и поныне — турист теперь пошел не особенно интересующийся древностями. Зато когда наш автобус останавливается у корпусов фабрики камей и коралловых изделий, окруженных, как и всюду, жилыми домами для занятых на ней рабочих, все пассажиры дружно отправляются покупать сувениры.

Работа на фабрике в основном идет вручную. В зависимости от опыта и квалификации, мастера вырезают более или менее сложные рисунки камей, используя для этого особый сорт крупых коричневатых раковин со светлым и темным слоем, позволяющим создавать изящные брошки, серьги и браслеты. Это неаполитанская специальность, так же как и производство безделушек из алых, очень ярких кораллов — искуство переходящее от поколения к поколению.

Потом пасажиры долго любуются своими приобретениями и протягивают друг другу белые коробочки. Роберто доволен, видимо получил за комиссию больше обычного — среди покупок есть несколько дорогих вещей.

Теперь автобус мчит нас уже мимо виноградников и пейзаж становится все более лирическим. До богатого римского города, похороненного под лавой, пеплом и камнями во время страшного извержения Везувия в 79 г. н. э., от Неаполя всего каких-нибудь 14 миль.

В широких кругах принято считать, что катастрофа обрушилась на Помпеи совершенно внезапно. В действительности это не совсем так —Везувий, спавший много веков, сделал грозное предупреждение еще в 63 году до Р. Х. когда землетрясение, вызванное пробуждением силы вулкана, разрушило и повредило здесь большинство зданий. Помпеи отстроили, их местоположение и климат были так благоприятны, что многие римляне продолжали приобретать и строить здесь виллы, богато украшая их фресками и статуями. Жизнь в городе, заложенном еще греками и позже латинизированном, била ключем, как можно судить не только по форуму, окруженному храмами, триумфальными арками, лавками и остатками огромного здания, бывшего когда-то в ведении ткачей и красильщиков, но и по ряду театров, залов для гимнастических упражнений, великолепному стадиону и, наконец, по обширным, хорошо оборудованным и отлично сохранившимся до наших дней баням.

К моменту катастрофы население города насчитывало от 20 до 30 тысяч, что по тем временам было довольно внушительной цифрой. Считают, что при извержении погибло около двух тысяч жителей, остальные успели покинуть погребенный под лавой и шлаками город, память о котором понемногу стала стираться. В течение полутора тысяч лет Помпеи оставались забытыми, когда же в 1592 г. архитектор Фонтана наткнулся на какие-то развалины, на них не обратили никакого внимания — в

этот период к остаткам римской цивилизации все еще относились враждебно и пренебрежительно. Когда же в 1748 г. один крестьянин при рытье колодца наткнулся на статуи и бронзовые предметы, начались хищнические раскопки древнего города с единственной целью найти ценные произведения искусства для украшения вилл и дворцов и с полным пренебрежением к сохранению облика города.

Как ни странно, но когда Мюрат волей Наполеона из бравого кавалериста превратился в Неаполитанского короля, он не только украсил город новопрорезанной роскошной улицей Виа Позилиппо, но и обратил внимание на раскопки древнего города. В период его краткого царствования было сделано немало, чтоб сбросить саван, скрывавший величественные черты. Но систематические раскопки Помпей начались каких-нибудь сто лет тому назад, после объединения Италии, когда работы стали вестись под руководством известного археолога Фьорелли. Это он стал применять заполнение гипсом пустот, образовавшихся в слое лавы там, где органические вещества распались и превратились в прах на протяжении веков.

Так возникли страшные слепки жертв извержения в их последние мгновения жизни, выставленные в недавно построенном по последнему слову техники Антикварии — музее, в котором заботливо собраны и отлично экспонированы предметы, найденные при раскопках. Увы, даже слепок корчащейся в смертной муке собаки пользуется особым успехом у посетителей, и открытки с его изображением раскупаются налету, оставляя далеко позади виды раскопок или репродукции фресок . . .

Но нас пленил другой пес, совсем живой, белый в черных пятнах, все еще заливисто лающий на мозаичном полу у входа в древний дом, где отчетливые буквы сплетаются в предостерегающую надпись : Cave canum — Бойся собаки !

Мы идем прямыми улицами, вымощенными древними камнями. Иногда поперек улицы положены две - три плоских глыбы с таким расчетом, чтоб между ними могли пройти колесницы. Улицы Помпей не имели стока для воды, и когда после дождей они превращались в ручьи, то по этим камням пробирались на другую сторону пешеходы.

По краям улиц тянутся полуразрушенные или почти разрушенные дома, но странным образом Помпей не кажется мертвым городом. Века развеяли запах тлена, сырости и гари, вот уже двадцать лет витающий над руинами разбомбленных домов, и пахнет здесь, как в украинской степи, горькими травами, чебрецом и полынью, и так же шныряют юркие маленькие ящерицы.

Вдруг в глубине двора открывается великолепный фонтан. В центре богато выложенной цветной мозаикой ниши стоит пухлый бронзовый амур с громадной рыбой на плече, а по краям ниши трагические маски широко открыли пересохшие рты, из которых когда-то бежала светлая струйка воды. Вход в этот „ Дом большого фонтана ”, в отличие от всех остальных, почему-то затянут решеткой. На наш вопрос гид передергивает плечами — „ Не будь решетки, его бы по камешкам разобрали на сувениры . . . ” Отказывается, здесь жители Помпей могли купить любовь представительниц самой древней профессии в мире. Услышав об этом, худенькая американка раздраженно тянет за рукав азартно фотографирующего дом мужа — „ Довольно, довольно, пойдем уже . . . ”

Но и ей придется ждать в толпе других женщин, пока мужчинам будут показывать некоторые запретные для нас фрески в великолепном, так поразительно уцелевшем доме Веттиев. Это, пожалуй, самое знаменитое частное здание во всем городе. Кажется, что его обитатели вот-вот войдут снова в прелестный внутренний дворик, засаженный розами, где на пришельцев с разных сторон глядят серебряными глазами два бронзовых мальчугана,

сжимающих толстыми рученками гусей, из клювов которых льются чистые струйки воды. Стены многих покоев этого дома расписаны знаменитыми на весь мир фресками, не поблекшими и не потерявшими яркость красок несмотря на почти двухтысячелетнее пребывание под землей.

Я смотрю на амуров, занятых разными житейскими делами, так живо выступающих на черном фоне, красиво контрастирующем с особым красным „ помпейским " цветом стен, и думаю, кого мне напоминают эти деловитые крошки ? . . Конечно же, ангелов с рождественских карточек и витрин, и даже здесь, как и там, любимыми спутниками их являются козочки .

Теперь в нашем распоряжении час для самостоятельного осмотра города. И мы уже вдвоем идем к великолепному храму, где к нам призывно протягивает руки бронзовый Аполлон, любуемся арками и портиком Форума, всем этим воскресшим городом, так красиво раскинувшимся на фоне погубившего его, теперь притихшего, кажущегося таким добродушным Везувия. Но перед глазами у нас возникает страшная картина, с такой исторической и психологической правдой, с таким мастерством перенесенная русским художником на полотно. Перед ним, совсем еще юной девушкой, стояла я зале Русского музея в Ленинграде, не подозревая, что сложные жизненные пути приведут меня к подножию Везувия и я воочию увижу изображенные на картине места.

Карл Павлович Брюллов работал над своим „ Последним днем Помпеи " три года из проведенных им в Италии одиннадцати лет. Перевезенное из Рима и выставленное в Петербурге в 1834 г. монументальное полотно принесло художнику огромный успех. Интересно, что в том же году вышел нашумевший и до сих пор незабытый роман известного английского писателя Бульвера - Литтона „ Последние дни Помпеи ".

Как хотелось бы засесть за книги, выяснить, случай-

ное ли это совпадение или между одновременными работами художника и романиста есть какая-то внутренняя связь. Но жизнь, увы, не отпускает нам времени для таких изысканий и даже сейчас гонит нас прочь от древних стен...

В последний раз окидываем взглядом раскинувшиеся перед нами улицы и площади, от которых уже отхлынула волна туристов. Для нас это особенно волнующее зрелище — мы видели города, превращенные в руины за какой-нибудь час огненного ада, но мы еще не видели города, восставшего как Феникс из пепла и пронесшего через века свою живую прелесть...

⁂

Когда в воскресный день мы подошли к набережной Беверелло, спеша купить билет на белый катер, весело покачивавшийся у пристани, за несколько минут до его отхода на Капри, пожилой кассир строго спросил нас: — Turista? — и получив утвердительный ответ, отрицательно покачал головой и отвел рукой протянутые ему деньги. Озадаченные такой дискриминацией, мы не знали, что и думать, но кассир тут же весьма реалистически воспроизвел симптомы морской болезни, а затем, ткнув пальцем в расписание и потребовав добавочные лиры за билет, указал на стоявшее в отдалении значительно более солидное красивое судно с надписью „Capri” на борту. До его отхода у нас в запасе минут сорок и мы толкаемся в праздничной толпе, шумящей у пристаней, в которой мало туристов, но много разряженных детей. Особенно милы девчурки с искусно подобранными на макушке волосами, украшенными бантами или цветами и с обязательными, даже у самых маленьких, сережками в ушах.

Наконец, усевшись под навесом на палубе, мы всем своим существом отдаемся прелести этой поездки. Отдыхая душой и телом, мы любуемся проплывающими пе-

ред нашими глазами картинами, живописными берегами, синевой моря и неба. Два часа пролетают незаметно и даже становится немного жаль, когда впереди в легкой дымке вырастают крутые берега прекрасного острова.

Но чем ближе мы подходим к нему, тем сильнее охватывает нас нетерпение. Нам хочется как можно скорее познакомиться с его красотами, и едва наши ноги касаются берега, как они несут нас к моторным лодкам, одна за другой отплывающим к Лазурному гроту.

Пожалуй, эта поездка еще более живописна, чем наш путь из Неаполя — мы идем у самых, порой совершенно отвесных, серых известковых утесов, оттеняемых зеленью то взбирающихся вверх, то, наоборот, словно сбегающих вниз деревьев и кустов. Но вот мотор выключен и лодка наша, вместе со своими товарками, мерно взлетает на волнах в ожидании того момента, когда маленькие лодки подойдут к борту и по-двое, по-трое заберут пассажиров, исчезнув с ними в темном отверстии, только на какой-нибудь метр поднимающимся над уровнем моря.

В ожидании нашей очереди, раскрываю путеводитель и читаю сухие слова о том, что Лазурный грот образован действием карстовых процессов и морских волн, что он уже был известен римлянам, что освещение в нем — естественное, что длина его — 54, ширина — 15, а высота — 30 метров... Голова у меня немного кружится от солнца, от ветра, от волн, ласково, но настойчиво подбрасывающих нас вверх и вниз, и буквы прыгают перед глазами.

Но сейчас приходит черед прыгать уже мне — маленькая лодочка подобралась к нам и то подскакивает к самому борту, то, относимая волной, проваливается вниз... Мне кажется, что я ни за что не смогу прыгнуть, я умоляю мужа оставить меня в покое, но все же любопытство берет верх и вот я уже на дне лодочки, все еще с бьющимся сердцем и зажмуренными глазами.

Несколько ударов весла, серые камни над головой, и мы попадаем в другой мир. Не может быть на земле такого серебряного сияния, такой лучезарной синевы необычайно яркого тона ! Это уже какая-то потусторонняя красота, не укладывающаяся в рамки объяснения этого феномена только преломлением световых лучей. Наша лодка медленно описывает круг в пещере и даже весла ее кажутся блестящими, сине-серебряными . . . Еще мгновение и снова, пригнув голову, мы выплываем на простор Тирренского моря, пять минут назад казавшегося нам таким прекрасным, а теперь почти бесцветного по сравнению с феерической синевой Лазурного грота . . .

⁂

От Марина Гранде, широкого залива в северной части Капри, где обычно пристают суда и где будет ждать доставивший нас сюда белый пароход, фуникулер подымает приезжих в центр городка. Подъем этот необычайно приятен : прямо в окна вагона заглядывают пышно цветущие герани, олеандры протягивают к нам свои ветви, а гроздья винограда кажутся почти прозрачными в ярких лучах солнца. Уже далеко внизу остались романтичные домики рыбаков и скоро главная площадь городка, слепящая яркими зонтиками открытых кафе, пестрой выставкой сувениров, шумящая человеческим прибоем, бушующим у подножия старой звонницы с красивыми часами, пропитанная запахом пряных блюд и вина, смешивающимся с ароматом цветов, поглощает нас. Но мы недолго плывем в этом людском потоке, мы вырываемся из него и спасаемся от шума и толпы в каких-то прелестных тупичках, узких улочках, обнесенных стенами из белого камня, маленьких садиках с мощными кактусами и старыми мраморными скамьями. Затем медленно, по древним булыжникам, устилающим Виа Тиберио, мы подымаемся выше и выше.

Мы знаем, что у нас не хватит времени добраться так

до царящей над городом виллы, где провел последние годы своей жизни император Тиберий, и мы только издали рассматриваем эту мощную постройку — одну из двенадцати вилл, возведенных Августом и Тиберием в честь двенадцати полубогов на этом цветущем острове. Впрочем, он не был бы таким цветущим без плодородной земли, с древних времен привозимой с материка для насаждения садов, рощ и виноградников, но прекрасным и почти неприступным был всегда. За это и выбрал его своим местопребыванием властитель Рима, проведший на нем последние 11 лет своей долгой жизни, не то оборвавшейся по воле Создателя, не то оборванной рукой приближенных.

Он был коварным, презирал и ненавидел людей, этот пасынок первого римского императора, увидивший свет в 42 г. до Р. Х., с детства привыкший к интригам, лести и таинственным смертям своих близких. Хороший военачальник, хитрый дипломат, не чуждый наукам и искусствам, он был несчастлив в личной жизни : оторванный от любимой жены, он волей Августа стал мужем развратной дочери императора, красавицы Юлии, которую даже отец был вынужден в конце-концов сослать подальше от Рима.

Но другая женщина, Ливия Друзилла, его мать, третья супруга Августа, имевшая на мужа большое влияние, зорко стояла на страже интересов сына. Это она настояла на усыновлении Тиберия престарелым императором, это она помогла своему первенцу взойти на трон. Тиберий, хотя и оказался прекрасным администратором и, ведя относительно простой образ жизни, боролся против безрассудной роскоши, царившей в Риме, не снискал любви своих подданных. Все чаще его охватывал страх перед ними, и, боясь потерять власть и жизнь, он впервые ввел в Рим десять когорт преторианской гвардии, до тех пор стоявшей вне его стен. Но страх не уходил, а любовь подданных не приходила, Рим казался все более

опасным местом для старого императора. Бежать на Капри, править железной рукой с прекрасного острова, уничтожать врагов, действительных и мнимых, отделившись от них отвесными скалами и широким морем — вот желанный выход !

Как удобно было применять закон „ об оскорблении величества ” для проведения кровавых политических процессов, как легко было, собирая доносы, расправляться со всеми, кто казался опасным из-за своего ума, популярности, честолюбия или независимых взглядов ! С годами жестокость и подозрительность Тиберия все возрастали и, согласно историкам, редко кто из выдающихся по положению лиц стал умирать естественной смертью.

Возможно, что биографы Тиберия во многом сгустили краски и Капри никогда не было местом диких оргий, описанных Светонием в его „ Жизни двенадцати цезарей ”, а в Лазурном гроте не гибли несчастные дети, задушенные жестоким императором. Но несомненно, что тяжкий гнет лежал на всей духовной жизни Рима. Никто не решался писать правдиво о современных ему событиях, римские поэты и прозаики ждали немедленной расправы за неосторожно написанные ими строки — недаром поэт Элий Сатурнин за стихи против Тиберия был сброшен с Тарпейской скалы — крутого обрыва на одной из сторон Капитолийского холма.

Как все это напомнило нам тяжелые годы в другой стране, обнесенную надежными стенами дачу у другого синего моря, другие кровавые процессы, гибель других писателей и поэтов . . .

Знаменитый шведский врач Аксель Мунте, в своей блестящей, страшной и теплой книге „ История Сан-Микеле ” рассказывает, как, строя свою дачу на месте одной из вилл императора, он все еще наблюдал, как девушки плевали на откопанные мраморные колонны, приговаривая по адресу Тиберия, не забытого за чуть ли не два тысячелетия — „ **Cattivo, cattivo** ” — (Гадкий, злой).

А мы вспоминали слова проклятия, начертанные химическим карандашом на гипсовом бюсте усатого человека, лежавшем в пыли на искалеченной взрывами киевской улице двадцать лет тому назад . . .

Как жаль, что у нас нет времени взобраться по нескольким стам крутых ступеней „ Финикийской лестницы" в Анакапри или попасть в это горное селение по новому шоссе. Но если нас только не подведет Фонтан Треви, куда мы бросили монетку в солнечный римский день, мы, рано или поздно, вернемся в этот чудесный край и осмотрим все, пропущенное теперь, или виденное только издали — и резиденцию Тиберия, и руины замка Барбароссы и виллу Сан-Микеле, возведенную из остатков римских построек руками самого Мунте и его друзей, простых анакаприйских крестьян, и дом, где жил Максим Горький . . .

Пока же мы спешим пересечь остров, чтоб с террасы Трагара полюбоваться величественным зрелищем, созданным рукой Природы — тремя знаменитыми скалами Фаральони, подымающимися из синих волн. Мы идем узкими улицами, обрамленными стенами, где на теплые от солнца камни наброшены нарядные плащи бугенвиллий с тысячами пурпурных звезд на зеленом бархате листвы. Перед нами расстилаются то террасы Садов Августа, то тянутся аркады обители Чертоза ди Сан-Джакомо, построенной картузианскими монахами в четырнадцатом веке, то далеко внизу извивается древняя римская дорога, улучшенная и перестроенная на средства Круппа. И всюду цветы, цветы, цветы . . . Как тут не вспомнить строки Маяковского :

Хожу,
    гляжу в окно ли я —
цветы
    да небо синее,
то в нос тебе
    магнолия,

то в глаз тебе
глициния . . .

Неохотно отрываемся мы от прелестной Пунта Трагара и пускаемся в обратный путь. В небольшом „ ристоранте ”, где с потолка свисают десятки оплетенных бутылок разной формы, а стены покрыты забавными фресками, мы подкрепляемся мясом, „ инсалата ди помидоро ” и козьим сыром. Уже вечереет, и пока мы добираемся до нашего парохода, Капри горит тысячами огоньков, но на небе, еще не потерявшем румянца, четко вырисовывается силует одинокой пинии, словно раскрывшей свой зонтик над виллой Тиберия. Гремит музыка, и когда наш пароход последним покидает остров, в небо взлетают яркие звезды ракет . . .

Набегавшиеся и уставшие за день детишки сладко спят на коленях матерей, все еще неутомимо болтающих друг с другом. Мужчины собрались группами у борта и ведут особый разговор или безмолвно внимают трескотне своих подруг жизни. Но и мы не проявляем обычной разговорчивости — душа полна красотой всего виденного и не хочется разрушать словами все еще стоящие перед глазами картины.

Но вот впереди снова раскрывается сказочный вид — лежащий амфитеатром город весь искрится огнями, а на вершине холма, залитые светом прожекторов, ярко выделяются обитель Сан-Мартино и старый замок Кастель Сант'Эльмо. Чем ближе мы подходим к берегу, тем явственнее выступают контуры зданий, абрисы громадных цветов, фонтаны и завитки, словно начертанные огненным карандашом на фоне темных садов и бархатного неба — это радует глаз незабываемо изящная неаполитанская иллюминация.

Вот уже у самой пристани горит приветливая надпись : — **Benvenuti a Napoli** —, но перед нашим мысленным взором выплывают другие слова : — **Arrivederci, Italia** —, ведь это наш последний вечер в полюбившейся нам стране . . .

VIII. — ПАРИЖ

В Париже нет еще никаких признаков наступающей осени — деревья зеленые и пышные, только над Сеной лежит легкий и немного печальный туман, но может быть он окутывает город дымкой во все времена года?..

В наш первый парижский день мы не хотим участвовать ни в какой организованной экскурсии. Разве не счастье идти просто так, не спеша, вдоль набережной Сены, и рассматривать открытки, карты и книги на лотках букинистов, как мы это уже не раз делали в мечтах. Должна признаться, что знаменитые лотки в мечтах казались куда более интересными, чем в действительности — ничего ценного здесь нет, да и торговля идет вяло. Позже нам рассказывали, что владельцы лотков якобы получают от города дотацию для „сохранения атмосферы". Так ли это, судить не берусь, но все-таки очень приятно осуществлять мечты... Хорошо также наблюдать, как у серых ступеней, ведущих прямо к воде, рыболовы в плащах и мягких шляпах (один был даже с портфелем!) неторопливо закидывают удочки. Зеленый острый мыс Иль де ля Сите врезается в свинцовую гладь, а по ней скользят веселые белые „мушки" — „бато муш", переполненные пассажирами, и длинные, узкие, похожие на ос, баржи.

Только что мы миновали величественное здание под тяжелым куполом. Из зеленой книжечки Мишлена узнаем, что именно здесь высилась Нельская башня, пленявшая воображение подростков своими тайнами, когда мы зачитывались романом Дюма. Теперь это — l'Institut, построенный согласно воле кардинала Мазарини и все еще украшенный его гербом. В стенах этого здания помещает-

ся и Французская Академия, заседают „бессмертные” в расшитых парадных мундирах.

По Пон Неф — Новому мосту, так парадоксально называемому самому старому мосту Парижа, когда-то центру городской жизни, где выступали фокусники, жонглеры и „фарсеры”, включая и знаменитого Табарена, мы идем к Собору Парижской Богоматери и долго не можем покинуть его сумрачные своды.

Меня всегда волнует намоленность старых соборов, что же говорить о Нотр Дам, стоящем на месте, где два тысячелетия тому назад люди уже возносили молитвы галло-римским богам. Сколько человеческих упований, радостей и горестей впитали потемневшие от времени камни собора, сменившего древнюю христианскую базалику! Генрих Четвертый, чей памятник украшает Пон Неф, тогда еще молодой гугенот Генрих Наварский, не вошел в собор в день своего венчания с Маргаритой Валуа, а ждал в дверях окончания церемонии. Но вернувшись через двадцать два года в Париж, стоивший, по его словам, мессы, он, перейдя в католицизм, даже принимал здесь участие в богослужении.

Собор Парижской Богоматери, где происходила пышная коронация Наполеона, изображенная на картине Давида, притягивает меня не только своей религиозной и исторической значимостью. Нельзя оторвать глаз от витражей Нотр Дам, хотя, как говорят, и уступающих по красоте витражам Сент Шапелль, которую нам не удалось увидеть в этот раз. Однако, не только прославленные северная и южная „розы” собора, а даже мелкие круглые окна с геометрическим рисунком витражей, горящих на солнце глубокими и чистыми красками, таят для меня неизъяснимое очарование. Именно они переносят меня в далекое киевское детство, когда маленькая девочка впервые любовалась разноцветными узорами, бесконечно и неповторимо возникавшими в трубке калейдоскопа, казавшегося ей радостным чудом.

Но игрой красок можно любоваться не только на витражах собора — совсем недалеко от него раскинулся Цветочный рынок, послуживший темой для картин многих художников. Там снопы гвоздик, привезенных из-под Ниццы, еще пряно пахнут летом, забивая слабый и печальный запах осенних астр, расставленных по оттенкам в разные кувшины.

Целый день мы бродим по раскинувшимся невдалеке от Сены старинным кварталам. Выходим на шумную торговую Рю де Риволи, то с нарядными магазинами, то со стойками товаров, вынесенными прямо на улицу. Наш взор привлекает высокая и красивая готическая башня и мы подходим поближе к „Тур Сен Жак" — уцелевшей колокольне снесенной церкви. Отсюда уже рукой подать до Рю Сен Мартен, когда-то не раз преграждавшей путь правительственным войскам возведенными на ней баррикадами. Здесь, на самой крупной из них, во время восстания 1832 года, был убит двенадцатилетний мальчуган, описанный Гюго под именем Гавроша. Тут же, в этом квартале непокорных и свободолюбивых ремесленников, зарождались и покорявшие всю Европу капризные парижские моды.

Париж кажется мне ближе из-за своих прославленных, ставших уже штампом, тенистых каштанов. Но они характерны и для родного Киева, и поэтому я всегда норовлю выбрать скамейку для отдыха под их сенью. Сейчас мы так устали, что я мечтаю о любой, только бы свободной. Нам везет — такая скамейка находится, да еще и с видом на красивое величественное здание и площадь, раскинувшуюся перед ним.

Вытягиваем Мишлена и оказывается, что мы отдыхаем на страшном месте, до 1830 г. называвшимся Гревской площадью. С давних времен здесь происходили казни, сменявшиеся народными гуляниями. И те, и другие привлекали многочисленных зрителей своим разнообразием — простых людей тут вешали, дворянам рубили го-

ловы, убийц колесовали, обвиненных в колдовстве сжигали на кострах . . .

Не эту ли площадь видел из окна заснеженного лагерного барака молодой Иван Елагин, когда писал :

Не страшен эшафот. Позорныей столб не страшен,
Ни гибель на костре, ни смерть на колесе,
Когда колокола оповещают с башен,
Когда на площади тебя увидят все . . .

Понравившееся нам здание — Отель де Вилль, сожженная в 1871 г. и заново отстроенная парижская ратуша. В ее позже почти полностью уничтоженных огнем стенах Людовик Шестнадцатый, не подозревая о своей дальнейшей участи, растроганно целовал впервые созданную трехцветную кокарду — на ней, между синим и красным, цветами города, пролегла белая полоса — символ королевской власти. Там же накануне своей казни был арестован Робеспьер, там родилась Парижская коммуна. Страницы Мишлена сливаются со страницами университетских учебников, и уже трудно сказать, читаем ли мы путеводитель на парижской скамье или готовимся к экзамену на скамейке киевского парка . . .

⁂

В девять часов вечера за нами в отель заезжают из туристского бюро и везут на Пляс де л'Опера, где мы проходим уже знакомую нам „ сортировку " и рассаживаемся в автобусы для экскурсии „ Париж при вечернем освещении ". Гидом у нас оказывается молодая девица нарочито лохматого вида, старательно поддерживающая беспорядок в своей прическе энергичными толчками правой руки, с которой снята перчатка видимо для того, чтоб поразить туристов необычайно длинными, покрытыми серебряным лаком ногтями.

По-женски отметив эти детали, я спохватываюсь и добросовестно смотрю уже только в окно автобуса.

Мы не раз присутствовали при яростных дебатах заокеанских русских парижан, стоит ли мыть и чистить парижские здания. Мне лично кажется, что безусловно стоит — ведь они предстают перед нашими глазами такими, какими были задуманы своими создателями. Великолепный фасад Оперы, очищенный от копоти и залитый светом, гораздо ближе к тому, каким хотел его видеть Гарнье, чем еще черные боковые стены, где даже нельзя различить детали отделки. Теперь почти все крупные и знаменитые здания города уже очищены или проходят этот процесс и по вечерам ярко освещаются лучами прожекторов. Париж, построенный главным образом из желтоватого камня, как золотая бабочка освобождается от черного кокона. Город становится несравненно более нарядным, как можно судить по еще неочищенным участкам зданий, но с присущей женщинам непоследовательностью, мне не хотелось бы трогать Собор Парижской Богоматери и Консьержери, эту „переднюю гильотины". Громадное здание с мощными башнями, построенными в четырнадцатом веке, впитало, как и собор, слишком много человеческих упований, молитв и тайных слез, и не стоит тревожить старые стены струей горячего пара. Бывшее когда-то частью дворца, оно в дни революционного террора превратилось в переполненную узниками тюрьму. Лишь ничтожная часть заключенных Консьержери сохранила жизнь, для всех остальных стрелка первых парижских часов на Часовой башне отметила их последние земные часы.

Отсюда отправились на казнь Мария - Антуанетта и красавица дю Барри, пылкий поэт Андре Шенье и пытливый химик Лавуазье и многие, многие сотни других несчастных, скрывавших в этих стенах свое отчаяние и страх — тогда было модно „умирать красиво"...

Прекрасны освещенные фонтаны на Площади Согласия — но какая мрачная ирония в названии места, где падал нож гильотины! Теперь вместо эшафота

в центре площади возвышается древний обелиск, проделавший долгий и трудный путь от развалин Луксорского храма до берегов Сены, весь покрытый иероглифами, не стершимися за тридцать три столетия.

В этот вечер мы были просто подавлены царственной красотой Парижа. Темнота скрывала обветшалость домов там, где на них не падал свет прожекторов, а обновленные и очищенные здания гордо подставляли под их лучи свое помолодевшее тело. Перед нами расстилалось то прямое, как стрела, авеню Елисейских полей, горящее самоцветами в бархатной рамке зелени, с толпами гуляющих, с тесно расставленными столиками переполненных открытых кафе, то сверкала лучами-улицами звезда, в центре которой высится такая знакомая по рисункам Триумфальная арка. Под ее сводом теплится трепетный живой огонек — тут могила Неизвестного Солдата.

Пожалуй, самый феерический вид открывается с террасы Дворца Шайо. Впереди плещут и взмывают ввысь струи полсотни фонтанов, а за Сеной, намеченный огненным пунктиром, встает над Марсовым полем символ Парижа — Эйфелева башня.

Затем величественные картины сменяет сутолока Монмартра. Всюду мигают рекламы, призывно горят алые крылья Мулен Руж, на крыше какого-то здания расцвел букет огненных роз. Двум американским парочкам не терпится приобщиться к радостям „ Гэ Пари" и они тут же впопыхах соскакивают с автобуса, пока наша девица что-то бубнит в микрофон.

Уже поздно, мы устали и физически, и эмоционально. Тур подходит к концу, и проводница, заметно повеселев, указывает на здания Рынка и бодро сообщает, что он послужил темой для романа Бальзака „ Чрево Парижа ".

Нарочно покидая последним автобус и благодаря за

экскурсию, муж мягко напоминает растрепанной барышне, что роман этот вышел из-под пера... Золя.

— О, нет, месье, — энергично мотает она головой, — автор его Бальзак, я в этом уверена...

Не беру на себя смелость сделать из этого случая вывод, что французская молодежь в равной мере не знакома ни с творчеством Бальзака, ни с творчеством Золя, но думаю, что даже для экскурсии по освещенному Парижу, наиболее легкой в смысле объяснений, следует подбирать более просвещенных гидов...

⁂

На следующее утро мы возвращаемся на Монмартр уже одни. Едем туда в метро, хотим сравнить подземные пути крупных городов. Хотя в парижском две класса — общий и первый, лондонское внешне чище и приятнее, а оба они приятнее нью-иорского. Опять-таки говорю о чисто-личном восприятии, не сравнивая скорость поездов и удобство расположения станций — для этого мало туристского глаза.

В ранние часы дня Монмартр совсем иной, я бы сказала немного провинциальный. Мы выходим задолго до цели нашей поездки — Базилики Сакре Кер, — и идем в гору, мимо магазинов текстильных товаров, где рулоны материй разложены на столах прямо на улице. Яркие ткани свисают складками, маня прохожих, тут же мнущих их в пальцах и смотрящих их на свет. Вот почтенная матрона поставила набитую съестными продуктами корзинку прямо на тротуар и прикладывает к пышным бедрам ярко-голубую ткань, вот высокая американка, звеня браслетами с многочисленными брелками, вытягивает одну за другой пленившие ее материи и быстро сыплет словами, пытаясь склонить к покупке своего угрюмо посасывающего трубку мужа.

Мы подымаемся все выше и в просветах улиц уже

видны белые купола странной формы, от которых неожиданно веет Востоком. То тут, то там раскинули свои мольберты художники и почти на каждой неоконченной картине — те же белые купола.

И вот мы уже у подножия широкой, импозантной лестницы, красиво выделящейся на зелени холма. Благоразумно сворачиваем влево, к фуникулеру, подымающему нас на террасу перед базиликой, находящуюся над городом примерно на высоте второго этажа Ейфелевой башни. Вид на Париж отсюда раскрывается изумительный и, поглощенная им, я не сразу замечаю, что муж досадливо отмахивается от низкорослого худого человека с огромным кадыком, выпирающим из слишком широкого ворота рубахи. В протянутой руке у него пачка листков. Судя по верхнему — это молитва св. Терезы, отпечатанная в синей краске под изображением коленопреклоненной святой.

Удивленная неожиданной резкостью мужа, упрекаю его за то, что он не купил у бедного человека пусть чуждые нам, но распространяемые с благочестивой целью листки.

— С благочестивой целью? — фыркает муж. — Ты бы видела, что он продает, прикрываясь святой Терезой... Гнать его нужно в шею отсюда, твоего бедного человека. Смотри, как он помчался к новой группе туристов...

Белоснежная базилика Сакре Кер действительно привлекает множество людей и не только верующих католиков, для которых она является местом паломничества. Построена она целиком на пожертвования, достигшие очень высокой суммы, и освящена только в 1919 году, хотя работы производились на протяжении сорока с лишним лет. Это очень радостный, светлый и нарядный храм. Пройдя в отгороженную для молящихся часть, где не толкутся туристы, мы слушаем нежное пение, звучащее как ангельские голоса под громадным купо-

лом, богато украшенным мозаикой. Всюду множество свежих цветов, на которые, сквозь нежные витражи, падают солнечные лучи.

Обратный путь проделываем быстро — у нас так мало дней для города, на знакомство с которым пошли бы месяцы. Под оранжевым навесом небольшого ресторана, окна которого выходят на прелестный фонтан, подкрепляемся для дальнейших странствий. Цель их совсем близко — тут же за углом подымается мощный купол Пантеона. Задуманный как церковь, но законченный в год Великой Французской революции, он стал местом упокоения великих людей Франции. Первым помещают туда прах Мирабо, затем переносят останки Вольтера, тут же хоронят Жан-Жака Руссо. Впрочем, Мирабо не долго остается лежать в этом почетном месте, его сменяет Марат, а после Термидора убирают и его останки. Как мы видим, история с Мавзолеем на Красной площади повторяет, как и многое в русской революции, то, что в свое время происходило во Франции.

Пантеон почти пуст. Немногочисленные посетители бродят, рассматривая фрески Пюви де Шаванна, изобразившего на них историю святой Женевьевы, покровительницы Парижа, и поджидают, пока наберется достаточно людей, чтоб составилась группа для спуска в подземелье, к гробницам Виктора Гюго и Эмиля Золя, лежащих там же, где и их старшие собратия по перу, Вольтер и Руссо, где похоронены Жорес, Пенлеве и многие другие.

Двум ветеранам в форме, с колодками орденских ленточек, исполняющим обязанности гидов в этом величественном, мрачном здании, где Фуко, используя высоту купола, когда-то производил свои знаменитые опыты с маятником, доказывающие вращение земли, видно до-нельзя хочется поговорить с живыми людьми в перерыве между своими обязанностями по показу гробниц. Уловив русское слово, один из них сразу же откликается

ломаной польской фразой. Завязывается разговор, из которого выясняется, что в 1944 году мы были близкими соседями — лагерь военнопленных в Блехгаммере был недалеко от нашего рабочего лагеря.

Вспоминаю, как в ужасе прислушивались мы всегда к сообщениям по радио, что английские или американские самолеты уже над Блехгаммером — район этот нещадно бомбили. Мы безошибочно знали, что через несколько минут и нас постигнет та же участь . . .

Наш собеседник приходит в восторг, что мы с ним, так сказать, делили бомбежки, полусырую брюкву, промозглые дни силезской зимы. Расстаемся мы друзьями и долго жмем друг-другу руки.

Так людям из разных стран, зачастую ждавшим смерти в один и тот же час под крышами холодных дощатых бараков, суждено было тепло встретиться под куполом Пантеона . . .

⁂

Где бы мы ни бродили в Париже, но улицы Латинского квартала притягивают нас, как магнит. Они некрасивы, эти узкие темные улицы, и из подворотен веет иногда тяжелым запахом неубранного мусора. Но зато сколько здесь книжных магазинов и витрины их — словно стенды литературно - художественного музея. Мы жадно вглядываемся в разложенные в них книги и рукописи — да, это уже не лотки у Сены, ставшие бутафорией для неискушенных туристов !

Бернар Лолье на Рю де Сен выставил портрет молодого человека с автографом : — „Коклену Младшему от его почитателя Томаса А. Эдисона ”. В соседней витрине — автографы Эмиля Золя, Ренуара, Дега, Жионо... Неподалеку, в другом окне, письмо Виктора Гюго сразу привлекает внимание характерным крупным почерком.

Все сильнее охватывает нас обаяние университет-

ского квартала, получившего свое название оттого, что до 1789 г. официальным языком обучения был латинский, перенесенный школярами и за стены университета.

Но иногда витрины магазинов поражают нас здесь не только сокровищами культуры. Вот окно, в котором выставлены ярко-красные мясные изделия. Необычайный цвет их да золотые головы лошадей у входа заставляют нас поднять глаза к вывеске — „Chevaline", продажа конского мяса и изделий из него, вот оно что! Но какие замысловатые гастрономические продукты выставлены в витрине, не чета памятной конской колбасе, единственной, продававшейся в киевских магазинах в 1933 г. и называвшейся в народе „Конницей Буденного"...

Находившись по городу, мы всегда стремимся отдохнуть в кафе на бульваре Сен-Жермен или Сен-Мишель, любимом студентами „Бульмише". Среди юношей и девушек, спорящих, читающих, теснящихся за столиками, расставленными прямо на тротуарах, мы теряем счет годам, снова чувствуем себя в академической атмосфере, хотя красные стены Киевского университета так не похожи на закопченные, почти черные здания Сорбонны.

Да и наш тихий отель совсем недалеко: мы живем на улице Жакоб, одной из серых, старинных улиц Латинского квартала. Дома на ней давно не ремонтированные, с облупившимися ставнями, но внизу, чуть ли не в каждом из них — антикварный магазин.

Мы подолгу стоим перед витринами, особенно по вечерам, когда покупателей уже нет, двери заперты, а вещи продолжают жить своей долгой жизнью. Парижский антикварный магазин — это не случайный набор разнородных, чуждых друг другу холодных музейных вещей. Витрина его освещена изнутри стильной лампой, поставленной на старинный стол, на который брошены две-три книги в тисненых золотом изящных пере-

плетах. Кресло отодвинуто так, как будто бы читавший их отлучился только на минуту. В лиловой венецианской вазе — свежие розовые гвоздики, словно перешедшие в нее с поблекшего, но все еще прелестного гобелена... Вещи здесь живут в теплой гармонии, показывают, что они украсят и согреют жилище возможного будущего хозяина так, как они создавали уют в квартире хотя бы вот этой женщины с тонким лицом, глядящей на нас с дагеротипа, на который также падает свет лампы...

Только два дома но Рю Жакоб, не говоря о нашем уютном отеле, выглядят более или менее свежо. К одному из них, светло-серому, под номером 58, прибита мемориальная доска с барельефом, сообщающая прохожим, что „ в этом доме в 1939-40 гг. жил генерал Владислав Сикорский, главнокомандущий польской армией во Франции и глава польского правительства en exile ". Доска эта помещена здесь в июле 1953 г. стараниями лиц, находившихся в свое время под командованием Сикорского.

На соседнем доме, уже светло-желтом, под номером 56, тоже мемориальная доска. С удивлением читаем выбитый на ней текст :

„ В этом здании, называвшемся в те времена Отель де Иорк, Давид Хартли от имени короля Англии, и Бенджамин Франклин, Джон Джей и Джон Адамс от имени Соединенных Штатов Америки, подписали 3-го сентября 1783 г окончательный договор, признающий независимость Соединенных Штатов ".

⁂

Нам хочется провести вечер не в набитых туристами ночных клубах Монмартра, где все уже рассчитано на американский вкус, а так, чтоб нам улыбнулось подлинное лицо старого города.

Вечерами в холле отеля всегда дежурит человек с

усталым интеллигентным лицом. Если мы возвращаемся поздно, он, отрываясь от книги и передавая нам ключ, всегда обменивается с нами несколькими приветливыми словами. Вот к нему-то мы и обращаемся за советом.

Он задумывается, смотрит на нас, чуть прищурившись, и наконец улыбается : — Мне кажется, я знаю место, которое Вам подойдет...

На другой день, к десяти часам вечера, для нас заказан столик. „Погребок легенд" находится на нашей же улице, в просторном подземелье, сохранившемся с тринадцатого века, и являвшемся частью укреплений аббатства Сен-Жермен де Пре. Над старинными каменными сводами Мориц Саксонский, маршал Людовика Пятнадцатого, построил небольшой изящный особняк, где в 1730 г. таинственным образом оборвалась жизнь Адриенны Лекуврер, талантливой актрисы, дарившей своею любовью и самого маршала и Вольтера...

В 1953 г. художник Фредерик Целлер основал этот погребок, украсив его стены из грубого камня множеством забавных миниатюр. Исполненные на кусках „пергамента" приемами старинного „иллюминирования" рукописей, его полные юмора небольшие яркие картинки, окруженные сложным орнаментом из цветов и трав, рассказывают всю историю этой части города вплоть до наших дней. Особенно понравился нам забавный рисунок, изображающий расправу монахов и горожан с буйными школярами в 1280 г.

Спустившись по многим крутым ступеням, мы попадаем наконец в зал, уставленный грубыми столами и освещенный мерцающим огнем свечей, воткнутых в старинные бутылки. Девушки в костюмах пажей подают посетителям „средневековые блюда" : „бульон д'амур" со специями, артишоки с грибами в остром соусе, круглый пирог с сыром и ароматичными травами, рыбу „по рецепту настоятеля", кур, тушеных в душистой мальвазии, и телятину с розмарином.

Усевшись на приготовленные нам места за столик у стены, под очередной миниатюрой с изображением Бальзака, на которого грозно наступают кредиторы, мы не так смотрим на подаваемые нам кушанья, как на молодых людей, пародирующих в глубине зала выступления артистов в русском ресторане Парижа, а затем и в испанском кабачке. Делают они это так весело, талантливо, с таким удачным музыкальным сопровождением, что мы смеемся от души, когда же принимаемся за одно из блюд, к нам подходит плотный человек в средневековом костюме. Развлекая ужинающих фокусами, как заправский „ жонглер Нотр Дам ", он протягивает нам ножик с белой ручкой и просит, зажав его в кулаке, честно ответить, нравится ли нам Франция. Конечно, мы даем положительный ответ и в ту же минуту ножик из белого превращается в трехцветный — вероятно национальные цвета Франции выступают на нем под влиянием химической или тепловой реакции.

Но самое интересное впереди. Теперь у столов появляются стильно одетые „ менестрели " и „ трубадуры ". Среди них, в мужской одежде, и девушка с гривой рыжих волос и горячими глазоми. У каждого стола они поют, по желанию посетителей, новые или старые песни.. Нам хочется послушать старинные баллады, и „ менестрели ", вдруг жарко заспорив о французской литературе, останавливаются на Франсуа Вийоне.

Девушка чуть презрительно слушает товорищей, а потом, жестом руки исключив их участье, сама перебирает струны и красивым низким голосом поет печальную и изящную любовную песнь. — „ Я знала, что Вам она очень понравится, — говорит она торжествующе, — это Шарль Орлеанский, мой любимец . . . "

Пустеет пузатая бутылка с игристым вином, льются песни, папиросный дым, подымаясь к потолку, уходит в вентиляционные отверстия, а нам так не хочется уходить . . . Уже поздно, утром нам предстоит далекая экс-

курсия и, подымаясь по старым ступеням, мы неохотно переходим из пятнадцадцатого в двадцатый век...

⁂

И вот перед нами свежевызолоченная решетка Версаля, а за ней расстилается вымощенный круглыми булыжниками обширный Двор Министров, где почти два века тому назад Монгольфье и Пилатр де Розье демонстрировали перед королевской четой свои первые попытки воздухоплавания. Дальше, у входа в более узкий Королевский двор, в самом центре стоит конная статуя Людовика Четырнадцатого, а за его спиной виднеется еще более сдавленный прямоугольник Мраморного двора, оставшегося от дворца Людовика Тринадцатого, который Король-Солнце, вопреки настояниям архитекторов, во что бы то ни стало хотел сохранить в ансамбле „ своего ” Версаля.

Проклиная бесконечные булыжники, такие мучительные для ног туристов, вздыхаем с облегчением, ступив на гладкий пол дворца. Перед нами раскрывается импозантная анфилада из шести зал, названных по имени греческих и римских богов. Это Большие аппартаменты короля, самая старая часть дворца, который мы видим теперь, так сказать, в третьем исправленном и дополненном издании. Окна этих парадных, нежилых покоев выходят на великолепный Северный партер и из них, как и в Шенбрунне, виден пестрый и замысловатый узор цветочных клумб. Да и чудеса Версаля — Зеркальная галерея и Зал Бычьего глаза не поражают в оригинале : слишком уж примелькались они в копиях. Герренхимзее, где красивый и не совсем нормальный баварский король Людвиг Второй создавал свой собственный Версаль, и фонтаны Петергофа, нынешнего Петродворца, странным

образом лишают свой образец оригинальности: он кажется только больше, пышнее и... скучнее.

Да это и неудивительно: ведь залы Версаля почти пусты, мебель и предметы искусства были проданы с аукциона в 1793-94 годах. Правда, теперь понемногу вещи возвращаются в опустевший дворец — даже Барбара Хаттон, пресловутая наследница вульвортовских миллионов, подарила в спальню королевы приобретенный ею ковер, вытканный специально для этой комнаты еще во времена Марии Лещинской.

Залы и комнаты дворца похожи на залы и комнаты других дворцов Европы, созданных позже, но виденных нами раньше Версаля, и поэтому нас интересует не так чудесный цветной мрамор отделки, лепка и позолота, а те исторические ассоциации, которые они вызывают.

В Зеркальной галерее, славившейся на всю Европу, ставшей как бы символом французской дворцовой роскоши, по странной иронии судьбы в 1871 г. был провозглашен императором Германии Вильгельм Первый, так как во время Франко-прусской войны немцы превратили Версаль в центр своих операций против Парижа. Здесь же 28 июня 1919 года Клемансо, президент Вильсон и Ллойд Джордж подписали с представителями Германии мирный, так называемым Версальский договор.

Тут же, рядом с Галереей, выходящая прямо в центр Мраморного двора, комната Людовика Четырнадцатого, в которой он и умер. В ней долго жил и Людовик Пятнадцатый, отсюда толпа, пошедшая походом на Версаль, заставила 6 октября 1789 г. Людовика Шестнадцатого и Марию-Антуанетту с детьми отправиться в Париж.

Когда-то Короля-Солнце, как и Людвига Баварского, упрекали в безумной расточительности — деньги из королевской казны широкой рекой уплывали на строительство дворцов. Но не окупилось ли это созданием замечательного ансамбля, прославившего французское искус-

ство и ставшего объектом подражаний, к тому же привлекающего бесчисленных туристов ? Получилось что-то вроде строительства многих американских сверх-магистралей и мостов, стоящих многие миллионы, но понемногу окупающих свою стоимость мздой, получаемой с автомобилистов . . .

К тому же теперь Версаль превратился в богатейший исторический музей. Один из его залов посвящен Войне за независимость Америки и участию в ней французов. В нем есть интересные изображения Джорджа Вашингтона, включая и бюст работы Гудона, портреты Бенджамина Франклина и многих деятелей американской революции.

Кроме того, что вся обстановка Версаля была продана и находится теперь или в заграничных музеях или в частных коллекциях, дворец почти не пострадал во время Французской революции. Однако, Наполеон, останавливавшийся только в Большом Трианоне и даже уединившийся в нем в день развода с Жозефиной, велел поддерживать королевский дворец в надлежащем виде. Были и другие попытки реставрации дворца и поддержания всего комплекса в его былом блеске, но настоящие большие работы в этом направлении были начаты после Первой мировой войны благодаря щедрости Джона Д. Рокфеллера. Эта кампания, прерванная Второй мировой войной, снова возобновилась с 1952 г. и стала особенно интенсивной в годы президентства де Голля. Снова стены покоев обтягиваются богатыми шелками, вытканными по старым образцам, с бесконечным терпением обновляется позолота и деревянная резьба, полируется мрамор, освежаются фрески, и обветшалые залы снова приобретают прежнюю пышность.

Сады Версаля, разбитые Ле Нотром, конечно, отличаются от тех, которые радовали глаз трех Людовиков и их придворных. Многое насажено, многое убрано, но все кажется знакомым — фонтаны, бассейны, статуи,

вазы, боскеты и клумбы, все это перенесено к другим европейским дворам, всему подражали тщеславно и так часто бесславно . . .

С удовольствием идем длинными аллеями великолепного парка, такого освежающего после строгой симметрии французских садов. Здесь некоторые деревья еще помнят Людовика Пятнадцатого, другие насажены при обновлении парка в 1830 году. Но все пышно разрослось и сейчас только чуть тронуто осенней позолотой. У маленького пруда — Храм любви, беседка с двенадцатью колоннами и круглым куполом, бесчисленное количество раз повторенная в дворцовых парках и дворянских гнездах России. И правда, кажется что мы в парке Гатчины или Павловска — те же купы деревьев, та же мелкая ряска на воде пруда, тот же грибной запах . . .

Но вот „ Ферма королевы " — это уже никак не Россия. Здесь, начитавшись Руссо, Мария-Антуанетта играла роль „ поселянки " на фоне природы с еще большим удовольствием, чем на сцене столь любимого ею Малого Трианона. В этом живописном уголке все — бутафория : и „ дом королевы " и „ мельница " и „ птичник " и гроты и скалы „ в швейцарском вкусе ". Но „ королева-крестьянка " любила проводить здесь целые дни и тут же застигла ее весть о том, что „ бунтовщики " двинулись на Версаль . . .

Кончилась веселая игра с переодеваниями и впереди королеву ожидала только одна необычная смена наряда — тот простой чепчик заключенной, в котором она изображена на своем последнем портрете . . .

⁂

В автобусе вытягиваем усталые ноги и стараемся хоть немного отдохнуть на пути к Мальмезону. Этот загородный дворец, в котором еще так жива память о Наполеоне и Жозефине, расположен в месте, пользо-

вавшемся дурной славой в средние века, как можно судить и по его названию. Но когда в 1799 г. жена генерала Бонапарта решила приобрести это обширное поместье, то в доме, главный корпус которого был возведен в 1622 г., уже собиралось избранное общество.

Аллея платанов ведет к этому скромному желтовато-серому дому, за которым раскинулся парк, значительно уменьшившийся теперь в объеме. Ничего особенно привлекательного в самом здании нет, и только войдя внутрь можно понять, почему во все время своего консульства (1800-1803 гг.) Наполеон неизменно проводил здесь конец и начало каждой недели. Это не дворец, а **дом,** уютный, веселый, весь обставленный в том стиле, который под названием ампир так полюбился в России, хотя в нем все напоминает о походах Наполеона, в частности о египетских кампаниях молодого генерала. Особенно хороша библиотека Наполеона, прелестная, полная воздуха и света комната, отделанная в бледно-зеленых тонах. Кстати, это единственная из комнат Мальмезона, сохранившая полностью свой первоначальный характер. Даже полки уставлены здесь оригиналами, принадлежавшими Императору, неизменно оправленными в алый сафьян с богатым золотым тисненьем.

Уютная столовая, где специально отмечено место Наполеона за столом, тоже очень приятная комната. Здесь всюду посуда с инициалами Жозефины, золоченые украшения в виде лодок, поднесенные в день коронации городом Парижем, чьей эмблемой, как известно, является ладья.

В нарядной Золотой гостиной стоят часы, поднесенные Императору французов русским императором. Полы почти совершенно скрыты коврами, усеянными либо золотыми пчелами — эмблемой Первого консула, либо украшенные изображениями лебедей — эмблемой Жозефины. Эти лебеди всюду — у изголовья постели, на которой, простудившись на летнем празднике, Импе-

ратрица умерла 29 мая 1814 года, на стенах туалетной комнаты, где туристки долго не сводят глаз с несессера Жозефины, полного прелестных предметов из серебра, слоновой кости, фарфора и хрусталя, назначение которых нам теперь уже даже не всегда понятно . . .

Из окон Мальмезона видны и живые лебеди, медленно скользящие по небольшому пруду. Во времена Жозефины здесь были и черные лебеди, теперь же грациозные птицы выделяются только белыми пятнами на фоне зеленых лужаек.

В этом доме собрано много предметов обстановки и личных вещей Наполеона и Жозефины, находившихся в других дворцах, но, видимо, атмосфера какой-то особой интимности не развеялась, несмотря ни на время, ни на переход Мальмезона в чужие руки.

После смерти матери, Евгений Богарне вывез много ее вещей в Баварию. Позже Мальмезон был куплен шведским банкиром, затем испанской королевой. Наполеон Третий откупил его и начал производить в нем первые реставрационные работы. После Франко-прусской войны, Мальмезон был снова продан и пришел в упадок. К счастью, банкир Озирис купил его, реставрировал и подарил его в 1904 г. государству, которое превратило теперь Мальмезон в музей наполеоновской эпохи. Многие предметы были возвращены в Мальмезон или перенесены туда из Сен-Клу. Теперь туристы видят множество исторических портретов, походный стол Наполеона, на котором он раскладывал карты, следя за ходом сражений, его портфели, его коронационные одежды, подписанные им бумаги и тут же — шляпки, шали, кружева, легкие расшитые серебром платья, веера и туфельки „прекрасной креолки”, не бывшей, по сути, даже красивой, но тратившей огромные суммы на свои наряды.

Возвращаясь в Париж, я, против обыкновения, не смотрю в окно на разворачивающийся за ним пейзаж,

позолоченный поздними косыми лучами солнца. В моей памяти встают страницы недавно вышедшей, очень обстоятельной книги Эрнеста Наптона „ Императрица Жозефина ” (**Empress Josephine, by Ernest Knapton**), где автор выступает в защиту этой женщины, прослывшей с легкой руки своего любовника Барраса, пустой и алчной кокеткой. Она сама, говорит Наптон, оставила слишком мало слов в свою защиту — существует только одно безусловно подлинное письмо Жозефины к Наполеону. Зато пылко влюбленный в поначалу совершенно равнодушную к нему жену, Наполеон засыпал бывшую виконтессу де Богарне письмами из Италии и Египта и умолял Жозефину приехать к нему. Трудно сказать, что привязывало великого человека в течение почти четырнадцати лет к этой мало развитой и обладавшей на редкость ленивым умом женщине. Но даже на острове Святой Елены Наполеон вспоминал, что именно Жозефина дала ему впервые в жизни чувство твердой уверенности в себе.

Когда Наполеон вернулся национальным героем, Жозефина, став примерной женой, послушно выполняла все, что от нее требовал Наполеон, старательно вызубривая те реплики, которые вкладывал в ее уста муж. Теперь роли переменились — Жозефина умоляла Наполеона разрешить ей присоединиться к нему в его заграничных походах, но всегда получала отказ — в отличие от Императрицы, забывшей о прежних любовных приключениях, Наполеон переходил от одного романа к другому.

Уверенный в течение долгого времени, что он повинен в том, что брак с Жозефиной, имевшей двух детей от первого мужа, остается бездетным, Император окончательно решился на развод, как только его очередная избранница, польская графиня Валевская, почувствовала себя матерью. Говорят, что узнав об этом намерении, Жозефина, давно предчувствовавшая его, воскликнула, обращаясь к мужу : „ Ваша звезда взошла со мной,

и она закатится без меня...” Во всяком случае, оба супруга тяжело переживали развод и хотя Жозефина удалилась в Мальмезон с титулом Императрицы и поистине царской пенсией, Наполеон даже после женитьбы на Марии-Луизе и рождения сына, писал ей теплые письма и даже втайне навещал свою бывшую жену, до конца сохранившую к нему глубокую привязанность.

Тогда как Мария-Луиза отнеслась к мужу после его падения с полной холодностью, Жозефина мечтала присоединиться к Наполеону на Эльбе и была готова расстаться с любимым Мальмезоном и привычной роскошью. В 1814 г. все союзные государи, особенно Александр I, отнеслись к ней с большим почтением и предупредительностью, но не позволили ей отправиться на Эльбу.

Эта неумная, но добрая и приветливая изящная женщина, никогда не вмешивавшаяся в политику, пользовалась в народных массах искренной любовью и популярностью, в частности за свою безоговорочную преданность Наполеону, и смерть ее оплакивал весь Париж. Последние слова ее были: „Остров Эльба...”, тогда как на смертном ложе Наполеон вспоминал Францию, армию и Жозефину...

Здесь, в опустевшем Мальмезоне, где уже не слышались легкие шаги не дожившей до „Ста дней” Императрицы, Наполеон принял 25 июня 1815 года в так понравившейся нам библиотеке генерала Бекера, посланного сопровождать его в Рошфор для отправки на остров Святой Елены. Там над кроватью низложенного Императора все еще будет висеть миниатюрный портрет Жозефины, с которым он когда-то не расставался в походах...

⁂

Я привыкла к тому, что в Америке можно застраховать себя от чего угодно, но когда в туристском бюро,

подготовлявшем нашу поездку, нам предложили застраховать нас от . . . дождя в Европе, мы были просто ошеломлены таким „ сервисом”. Но хотелось верить в счастье, а не в страховой полис, и мы рискнули . . . В благодарность за доверие, солнце щедро золотило наши сентябрьские дороги, и только хмурившаяся Вена словно хотела оттенить грядущую прозрачную голубизну Италии . . .

Этот день специально выдался для загородной прогулки, и мы с удовольствием занимаем места в автобусе. До дворца Фонтенебло, цели нашего сегодняшнего путешествия, от Парижа свыше 60 километров. Дорога ведет вдоль Сены к прелестному старинному городку Мелюну. Не знаю, чем он славится теперь, кроме производства одного из видов знаменитого сыра „ Бри ”, но здесь обитали и римские префекты, и первые короли из династии Капетингов. Отсюда уже совсем рукой подать до начала леса Фонтенебло. Лес этот один из крупнейших во Франции, раскинулся на 25.000 гектаров и веками служил излюбленным местом королевской охоты. Дорога наша понемногу ведет в гору и вскоре среди деревьев мелькает „ Стол короля ”, каменное сооружение, за которым пировали усталые охотники.

Дворец стоит почти в центре леса. Не в пример чинному Версалю, он сразу же пленяет нас своими очертаниями. Это действительно неповторимый ансамбль, и в то же время своеобразный музей всех стилей, царивших во французской архитектуре. Невысокий, серовато-кремовый, с острыми крышами и окнами в мелких переплетах рам, с целым лесом каминных труб, с аркадами, мансардами, башенками, террасами, различными переходами, многими дворами, он строился на протяжении веков, без определенного плана. Все же основным строителем теперешнего дворца следует считать Франциска Первого. По его приказу был почти совершенно снесен старый средневековый замок, где французский король Карл Пятый, прозванный Мудрым, собрал в 14 веке би-

блиотеку, позже перевезенную в Париж и ставшую тем ядром, вокруг которого разрослась Национальная Библиотека.

Архитекторами нового здания в стиле Ренессанс были французы, но вся внутренняя отделка была поручена итальянцам. Вероятно, и Екатерина Медичи, ставшая женой сына Франциска, взошедшего потом на трон под именем Генриха Второго и усердно продолжавшего строительство дворца, старалась, чтоб ее французская резиденция напоминала дворцы родной Флоренции. Но в Фонтенебло жива память не о ней, а об алчной, умной, любившей искусство, отличавшейся твердым характером и необыкновенной красотой Диане де Пуатье, всемогущей фаворитке мужа Екатерины.

Эта женщина, попавшая совсем юной ко двору, только тридцатисемилетней вдовой стала любовницей дофина, бывшего на двадцать лет моложе ее и полностью подпавшего под ее влияние. Прекрасной Диане удавалось необычайно долго сохранять красоту и молодость. Не знаю, признавалась ли она в том, что родилась в 1499 г., но ей принадлежит замечание, что „годы, вычитаемые женщиной из своего возраста, никогда не пропадают — она прибавляет их к возрасту других женщин ”. Существует множество ее портретов, среди них немало спорных. Пожалуй, наиболее достоверным является „Купающаяся Диана” кисти придворного художника Франсуа Клуэ.

Эмблемой могущественной фаворитки стали все атрибуты ее тезки, богини охоты, и именно эти луки, стрелы, а главным образом, полумесяцы, фигурируют в отделке великолепного Бального зала или Галереи Генриха Второго, где инициалы короля всюду сплетаются с инициалами его любовницы. Потолок из орехового дерева здесь разделен на восьмиугольники, богато украшенные золотом и серебром, а рисунок паркета соотвествует рисунку потолка. Стены обшиты резным дубом и украше-

ны картинами, а десять окон в трехметровых амбразурах выходят с одной стороны в старинный Овальный двор, с другой — в сад. Кстати, на празднествах в этом удивительном по красоте зале Диана де Пуатье появлялась с декольте, которое привело бы в смущение даже славящихся глубиной вырезов своих платьев кинозвезд — попросту с совершенно открытой левой грудью.

Свое место в сердце короля красавица не уступила никому, а когда Генрих был убит на турнире, она удалилась от двора уже шестидесятилетней женщиной.

Генрих Четвертый также уделял много внимания строительству и украшению дворца. Культ Дианы не исчезает из планов строителей — так появляется „Галерея Дианы", „Сад Дианы" с фигурой богини, венчающей прелестный фонтан, украшенный бронзовыми головами оленей.

При Людовике Четырнадцатом, хотя и захваченном строительством Версаля, двор неизменно переезжал осенью в Фонтенебло для охоты. Там были даже отделаны особые апартаменты для морганатической супруги короля, мадам де Ментенон. И позже во дворце порой давали пышные празднества и принимали высоких гостей. Так, в 1717 году здесь побывал и Петр Великий.

Однако, новый расцвет Фонтенебло начался только при Наполеоне, не жалевшем денег на реставрацию дворца, о котором он с восхищением вспоминал и на острове Святой Елены. Комнату королей, где жили властители Франции, от Генриха Четвертого до Людовика Шестнадцатого, Наполеон превратил в свой Тронный зал — до этого такой зал был только в Версале. Теперь в красивой спальне Наполеона стоит и колыбель его сына, не та, парадная, которую Мария-Луиза увезла с собой в Вену. В этой, вероятно, спал и рос белокурый Римский король, и ее поставили рядом с ложем отца, так же как бронзовый гроб Орленка стоит рядом с усыпальницей Императора.

Фонтенебло, несмотря на гораздо большую роскошь апартаментов Наполеона, по сравнению с Мальмезоном, в котором восходила звезда Бонапарта, как бы освещен лучами его заката. В Красном салоне стоит небольшой, довольно простой столик, за которым 7 апреля 1814 г. Император подписал свое отречение. Двадцатого апреля во Дворе Белой Лошади, с тех пор именуемом двором Прощания, расстилающимся перед странной лестницей в форме восьмерки, ведущей во дворец, выстроились ряды старой наполеоновской гвардии. Когда на лестнице появился Император, желавший проститься со своими боевыми товарищами, в глазах у него стояли слезы, а старые солдаты плакали навзрыд. Но наполеоновским орлам суждено было еще раз слететься в этот двор. Закат еще вспыхнул яркими красками Ста дней, и ровно через одиннадцать месяцев после тягостного расставания, Наполеон принял здесь парад старых гвардейцев. Но судьба уже готовила Ватерлоо, и о приезде Наполеона напоминает здесь лишь шляпа, в которой он был, вернувшись с Эльбы, выставленная вместо с прядью его волос у входа в императорские апартаменты.

Тянутся эти покои длинной анфиладой, позже пристроенной параллельно к совершенно своеобразной Галерее Франциска Первого. Реставрированная при Луи-Филиппе, эта Галерея сохранила свой облик, подобного которому нет во всей Франции. Снизу на два с лишним метра она обшита резным дубом с позолотой, выше идут фрески и чрезвычайно богатые лепные украшения. Потолок состоит из отдельных прямоугольников, выложенных геометрическими фигурами из орехового дерева и также блещет позолотой. Галерея выходит на террасу, с которой открывается прекрасный вид на Двор Фонтанов и Пруд Карпов.

Если подойти поближе к этому пруду, то в воде ясно видны крупные рыбы. Говорят, их раньше сзывали для кормления, звоня в колокольчик, но при теперешнем

наплыве туристов, карпы все время толкутся у берега в ожидании подачки. Согласно легенде, они еще видели Наполеона, на самом же деле возрост их далеко не столь почтенен : в 1815 г. союзники выпустили воду из пруда и полакомились рыбой так, что все карпы исчезли. Немцы произвели такую же операцию в 1940 г., так что теперешние карпы — относительные новоселы.

Наскоро осматриваем апартаменты королев-матерей, где почетным пленником Наполеона жил и папа Пий Седьмой, а также и милую Галерею Тарелок, устроенную Луи-Филиппом в 1840 г. В деревянную обшивку стен вставлены 128 тарелок севрского фарфора, на которых изображены виды всех королевских резиденций.

И снова наш автобус катится по лесной дороге, оставив позади дворец, пересекая полностью этот живописный лес, с там и сям поблескивающими на солнце скалами из необычайно твердого песчаника. Скалы эти иногда достигают большой высоты, образуя даже своеобразные ущелья — через такое Апремонтское ущелье и лежит наш путь. Деревья в этом лесу вековые, дубы достигают семи метров в обхвате и наиболее знаменитые из них носят специальные имена. Мы проезжаем невдалеке от одного из таких гигантов — „Юпитера", но среди его собратьев есть и „Вашингтон".

Ни один старый лес, повидимому, не может обойтись без легенды о скрывающемся в его чаще разбойнике, и преданье утверждает, что в лесу Фонтенебло обитал Черный или Большой Охотник. Именно в этих местах его, якобы, видел сам Генрих Четвертый.

Но вот лес кончается, мы уже подъезжаем к Барбизону.

Этот небольшой поселок служил местом летнего отдыха нескольким художникам, но слава его началась с 1835 г., когда в нем поселился Теодор Руссо, а позже к нему присоединился и Жан-Франсуа Милле. Оба этих крупных художника прожили здесь до конца своих дней

и создали так называемую „Барбизонскую школу живописи”, отличавшуюся тем, что ее представители писали свои картины en plain air, на открытом воздухе, а не в своих студиях, как обязательно делали до них все художники. Темой для полотен „барбизонцев” служили виды леса, растения, животные, и конечно, люди, населеявшие этот уголок Франции. Теперь работы художников этой школы, к которой принадлежали Диаз, Нантейль, отчасти Коро, и другие представлены во всех крупных музеях мира, но наиболее богаты их картинами Лувр и Музей Метрополитен.

Автобус наш останавливается у небольшого старого домика. Тут помещался когда-то знаменитый трактир „папаши Ганна”, где собирались художники. Многие из них оставили на память свои работы, но ничего особенно интересного тут нет. Зато стены увешаны картинами современных „плэнэристов” для продажи туристам. На многих полотнах — улицы Монмартра, с выглядывающими то там, то здесь куполами Сакре Кер. Таким образом, мы возвращаемся в Париж даже раньше, чем наш автобус останавливается на Пляс де л'Опера...

⁂

Не знаю, как назывался тот маленький сквер, где на следующее утро мы просидели несколько минут, не в силах отвести взгляд от махровых бегоний. В Париже клумбы такие пышные, радуют глаз таким разнообразием сортов и оттенков цветов, что запущенность домов кажется еще более поразительной на фоне этого богатого и тщательно организованного цветочного хозяйства.

Неохотно подымаемся со скамьи, но впереди ожидает нас еще более прелестный сад, восстановленный теперь в стиле восемнадцатого века. Правда, он украшен рядом абстрактных скульптур, как-то не идущих ни к тому, что было когда-то в этом изящном особняке, ни

к тому, что там хранится теперь. Старое здание, Отель Бирон, получило название только по имени своего третьего владельца, представителя знатной французской семьи. В 1820 г. элегантный особняк, построенный почти за целый век до этого знаменитым архитектором Габриэлем, превратился в монастырь Сакре Кер, где воспитывались и получали образование девушки из аристократических семейств. Уже в начале нашего века часть входивших в комплекс монастыря построек и большой участок сада были переданы лицею, сам же Отель Бирон, приобретенный правительством в 1910 г., превратился в Музей Родена.

Теперь в залах, где давались пышные балы, а позже неслышными шагами проходили монахини, зорко следя за вверенными их попечениям девушками, расставлены многочисленные творения Родена. Тут и глина, и мрамор, и бронза, есть фигуры тщательно отделанные и едва намеченные. Знаменитый „Поцелуй" украшает одну из зал, слева и справа у входа во дворе поместились „Врата Ада" и „Мыслитель". Ряд других произведений находится в красивой, относительно недавно построенной церкви рядом с особняком. Кстати, в Америке, в Филадельфии, также существует специальный музей Родена.

В особняке на улице Варенн мы побывали только раз, для другого же, величайшего музея Парижа и одного из богатейших во всем мире, старались выкроить часы чуть ли не из каждого дня нашего краткого пребывания в этом городе.

По коридорам и залам Лувра течет непрерывный поток посетителей, в большинстве своем туристов, и служители у входа, не дожидаясь вопроса, непрерывно твердят : „Самофракийская Победа вон там, на лестнице Дарю, к Венере Милосской идите по коридору направо . . .".

Конечно, нам удается воочию увидеть только незначительную часть собранных в Лувре сокровищ, да и

то после часа или двух, проведенных здесь, чувствуешь себя такой усталой, такой эмоционально исчерпанной, что только и можно опуститься на скамью в садах Тюльери. Здесь „земляки" — два сфинкса, привезенные сюда из Севастополя после взятия этого города в 1855 г. и поставленные у входа с набережной в этот исторический сад, искоса поглядывают на Сену, вспоминая приволье Черного моря...

Вообще, стосковавшись в Америке по ярким клумбам, мы много времени проводим в европейских садах. Вот и сейчас, прямо мне на колени падает блестящий, словно лакированный каштан. Кладу его в сумку на память о Люксембургском саде, где мы беззаботно греемся в лучах неяркого осеннего солнца. Среди цветов, под тенью ветвей — статуи королев и выдающихся женщин Франции. Наша скамья — возле изображения прелестной девушки с длинными косами. Оказывается, это святая Женевьева, покровительница города, умершая в глубокой старости в 512 году.

На всех лотках с открытками продается изображение очень красивой раки из золоченой кожи. Эта новая рака пуста — останки св. Женевьевы были извлечены из усыпальницы и сожжены на Гревской площади в 1793 году. Но здесь, в этом саду, покровительница Парижа стоит, как живая, словно любуясь ребятишками, затеявшими возню у самых ее ног, и приветствуя пришельцев, устремляющихся в ее город, полный неувядаемого очарования, несмотря на все свои морщины и такое заметное днем одряхление.

Пожалуй, мы нигде столько не ходили пешком, как в Париже. На этот раз, свернув в приглянувшиеся нам улицы, мы скоро убеждаемся, что заблудились. Подхожу к медленно идущей по улице даме и прошу объяснить, как выйти к нужному нам месту.

Дама эта маленькая, очень немолодая, одета прилично, но не модно. Говорит она по-французски бегло и

правильно, но совсем не так, как пожилая, бойкая официантка в „ Пти Бенуа ”, где мы только недавно проглотили очередной „ потаж ” и мясное блюдо с неожиданно-русским названием — bitock.

Когда я спрашиваю мужа, понял ли он, куда нам следует держать путь, дама, услышав русскую речь, поднимает к нам бледное, морщинистое лицо и спрашивает на явно родном ей языке :

— Откуда вы ? Когда из России ? . .

Я вкратце рассказываю ей о нашем пути, а она слушает, ни на минуту не отрывая от меня серые, печальные глаза. Мне даже становится как-то не по себе от этого пристального взгляда. Наконец дама спрашивает тихо :

— Ну, и как же, после России и Америки, вам нравится Париж ?

— Мы в восторге ! — выпаливаю я.

Лицо дамы становится неожиданно жестким. — Напрасно, он не стоит того ! — говорит она холодно, и, кивнув нам, все же благовоспитанно прибавляет : — Желаю вам приятно провести время в этом городе !

Мы смотрим вслед прямой, сухой фигурке и думаем, какой, должно быть, горькой была жизнь этой женщины в пленившем нас городе ! Мы живем здесь в условиях специально созданного для туристов комфорта, но знаем, что бытовые условия парижан очень не легки. Недаром популярный журнал Paris-Match поместил серию статей знаменитого французского журналиста Реймона Картье, где тот, говоря о низком уровне городской гигиены и крайне недостаточном санитарном оборудовании квартир, восклицает :

„ С некоторым нетерпеньем мы слушаем обычные восхваления шарма, красоты и величия Парижа, зная, какой проказой окружены имеющиеся в нем алмазы . . . После войны кто-то сказал, что „ Париж более разрушен, чем Берлин ”, то-есть столько домов приходит одновре-

менно в ветхость, что следует ожидать, что в ближайшем будущем столица просто развалится".

Выход из этого положения Картье видит только в разрушении старых кварталов и постройку на их месте совершенно новых зданий:

„Нью-Йорк, чью красоту прославляет теперь весь мир, — пишет Картье, — ввел разборку домов в свою постоянную практику и именно поэтому, несмотря на неудобство своего местоположения, старый Нью-Йорк, основанный еще при Людовике Тринадцатом, неизменно процветает..."

Все таки, очень трудно представить себе будущий Париж таким небоскребно-стеклянным, как Нью-Йорк. Не знаю, хотело ли бы даже видеть его таким большинство парижан...

Как-то получилось так, что наш последний день в Париже оказывается и днем прощания с Наполеоном. С утра мы пускаемся в путь, не спеша идем по прекрасной эспланаде по направлению к громадному архитектурному ансамблю Отеля Инвалидов. Там, где по замыслу Людовика XIV могло поместиться до семи тысяч старых солдат — пенсионеров, теперь находятся обширные военные музеи. Пройдя через старинный квадратный двор, сразу напомнивший нам строгую симметрию Версаля, попадаем в историческую секцию Музея Армии. Здесь, на первом этаже, можно увидеть пресловутый „серый походный сюртук", воспетый Лермонтовым, тот самый, в котором Наполеон был при Маренго и от которого, вероятно, пошло название одного из оттенков серого цвета. На втором этаже, в зале Наполеона, сосредоточены многие вещи, окружавшие его на Эльбе и острове Святой Елены.

Всем известно, что Наполеон, l'Empereur, как его неизменно называют французы, похоронен в Соборе Инвалидов, но мало кто из туристов, в частности американцев, задерживает свое внимание на том, что у

входа направо находится гробница Жозефа, а налево — Жерома, старшего и младшего из братьев Наполеона. А вместе с тем, жизнь обоих этих представителей семьи Бонапарт была тесно связана с Америкой.

Жозефу, чье недолгое пребывание на неаполитанском престоле, закончилось заменой его на этом троне Мюратом, в свое время Наполеон, тогда еще Первый консул, поручил подписать договор с Соединенными Штатами. Человек прогрессивных идей, Жозеф начал вводить ряд реформ в пожалованном ему Неаполитанском королевстве, но Наполеон пересадил его на более хлопотливое место, и Жозеф не смог удержать за собой испанский трон.

После падения Наполеона, Жозеф, под именем графа Сюрвилье, провел много лет в Бордентауне в штате Нью Джерси, занимаясь сельским хозяйством, но наконец ему было позволено вернуться к жене в Италию, где он и умер в 1844 году.

Жером, будущий король Вестфалии, тогда только молодой лейтенант флота, принимал участие в экспедиции на Гаити, и когда в 1803 г. началась война между Францией и Англией, оказался в Соединенных Штатах, где он и женился на Елизавете Паттерсон, дочери балтиморского купца. В Америке, где он пробыл свыше двух лет, у него родился и сын, но жене Жерома никогда не было разрешено последовать за мужем во Францию и брак этот был вскоре аннулирован по приказу Наполеона. Внук Жерома, Чарльз Джозеф Бонапарт, уроженец Балтимора, окончивший Гарвадский университет, был морским министром при Теодоре Рузвельте, а позже и Генеральным прокурором США.

В центре импозантного Собора Инвалидов, прямо под его куполом — круглое углубление. Подойдя к мраморному парапету, мы безмолвно стоим у саркофага из красного порфира, стоящего на подставке из зеленого гранита в центре золотисто-желтой звезды пола, окайм-

ленной лавровым венком. Мне как-то обидно за Наполеона — несмотря на ценность материалов, сочетание цветов грубо, и вся гробница производит эстетически гораздо меньшее впечатление, чем прекрасно исполненное надгробие маршала Фоша в боковой капелле : солдаты Первой мировой войны в глубокой скорби несут останки своего главнокомандующего. Даже несомненно созданный в подражание гробнице Наполеона круглый склеп, в котором покоится тело американского морского героя Джона Поля Джонса в соборе Военно-морской академии США в Аннаполисе, в моих глазах превосходит изяществом эту пышную усыпальницу.

Но Императору французов не сразу было суждено обрести вечный покой в этом склепе, где его личные вещи оживляют холодный камень. Так, символическими свидетелями великих побед остались здесь шляпа, в которой Наполеон был в сражении при Эйлау, и шпага, бывшая на нем при Аустерлице. Над входом в склеп выбиты знаменитые слова : „Я хочу, чтоб мой прах покоился на берегах Сены, в окружении французского народа, который я так любил”...

Только в 1840 г., после семилетних переговоров с Англией, Луи Филиппу удалось осуществить это страстное желание Наполеона. За телом императора на остров Святой Елены был послан фрегат, но прежде, чем гроб перенесли на корабль, его вскрыли — Наполеон, умерший за девятнадцать лет до этого, одетый в гвардейскую форму, казался спящим... Это произвело на присутствующих, среди которых находился и сын короля, потрясающее впечатление.

По Сене останки императора подвезли прямо к Парижу. Здесь в снежный день, траурный кортеж медленно проходит под Триумфальной аркой, движется по улицам вдоль сплошной стены людей, среди которых где-то стоит и Виктор Гюго.

Забыто все, омрачавшее облик Наполеона — его

эгоцентризм, его раздражительность и грубость, его умение играть на слабых струнках людей, его тираническая требовательность и самомнение, его нетерпимость к независимым людям, особенно усилившиеся во „второй период", когда начал слабеть его военный гений. Но человек этот был также наделен редким умом, замечательной памятью, выдающимся талантом организатора, исключительной работоспособностью, несокрушимой волей, а главное, люди, смотревшие, как движется катафалк по парижским улицам, так же как и их потомки, были уже во власти „наполеоновской легенды", перенесшей Императора французов из области истории в область романтики. Культ Наполеона охватил и страны, с которыми он воевал, в частности Россию, где обаянию этой легенды, особенно усиленному Лермонтовым, не поддался, пожалуй, только Толстой.

По странному стечению обстоятельств, материал для гробницы Наполеона был найден на территории тогдашней Российской Империи. Красный порфир, считавшийся императорским камнем еще со времен древнего Рима, был избран материалом для саркофага Наполеона, но нужных глыб не могли найти ни в Италии, ни в Греции и только в 1846 г. залежи этого камня были найдены в Карелии. С громадным трудом глыбы порфира были доставлены из России в Париж. Пока строили усыпальницу и тщательно полировали саркофаг, останки Наполеона находились в капелле Жерома, где теперь стоит украшенный сентиментальным, запыленным букетом фиалок гроб Орленка, перевезенный сюда из Вены в 1940 году, ровно через сто лет после того, как Собор Инвалидов принял прах его отца.

В этот вечер и мы испытываем на себе всю силу „наполеоновской легенды". Всюду на улицах Парижа бросаются в глаза громадные афиши с изображением молодого человека в белом, где плащ и поднятая в руке треуголка перекликаются с традиционным изобра-

жением Смерти с занесенной косой. В Шатле, самом вместительном театре Парижа (зал его рассчитан на 3600 мест, тогда как в огромном здании Оперы помещается только 2200 зрителей) день за днем уже много недель идет „Орленок" Ростана.

Я всегда удивлялась, как женщина, даже гениальная Сарра Бернар, могла перевоплощаться на сцене в несчастного принца. Ведь сыну Наполеона был 21 год и этот привычный к военной муштре молодой полковник, сдержанный и элегантный, привлекал к себе женские сердца. Играя почти без грима, тоже совсем молодой Пьер Ванек передает его облик с большой силой и жизненной правдой.

Только еще раз, смотря „Дни Турбиных" в Московском Художественном театре, я так же не могла провести грань между тем, что происходило на сцене и тем, что я знала в жизни. Там действие развертывалось в родном мне Киеве, здесь на подмостках воскресало все, только недавно виденное нами. Вот Китайский зал Шенбрунна, вот шляпа Наполеона... С ненавистью глядя на нее, великолепный Меттерних-Люсьен На шепчет :

...А ты, которой
Обмахивался он в пылу победы,
Которой только стоило упасть,
Чтоб короли поднять тебя нагнулись...

После такого спектакля невозможно прямо отправиться домой, и мы еще долго бродим по набережным Сены, особенно нарядным в эту нашу последнюю ночь в Париже. Туман, льнувший к реке все эти дни, вдруг неожиданно отпрянул от воды, и в спокойной глади ярко отражаются освещенные здания.

Оказывается, расставаться с этим городом даже тяжелее, чем мы думали. В нем мы ни минуты не чувствовали себя туристами, залетными птицами. Может

быть потому, что в нем много наших земляков, незнакомых, живущих за стенами старых домов, и знакомых, живущих на страницах нестареющих книг ? Нужно только вглядеться в тени, вслушаться в затихающий шум города, и рядом с нами начнут печатать шаг русские солдаты, сто пятьдесят лет тому назад донесшие до этих берегов свою боевую славу. Откинувшись на подушки коляски, проедет Тургенев, спешащий к Полине Виардо, крупными шагами пересечет улицу Маяковский. Мы услышим печальный смех Тэффи, плавную речь Бунина, горькие стихи Георгия Иванова... Взмахнет дирижерской палочкой Стравинский, Призраком Розы пронесется Нижинский...

В Париже, воплотившем в себе величие Франции, немало следов и русского величия. Мудрено ли, что нам вспоминаются строки Евгения Евтушенко, удивительно верно передающие наше настроение :

...И мы, не опасаясь оступиться,
Со зрячей точки зрения глупы,
Проносим очарованные лица
Среди неочарованной толпы...

ТОГО ЖЕ АВТОРА

Повесть кривых лет. Нью-Йорк, Изд. « Нового Русского Слова », 1963. 220 стр. . . . . Цена 4.00

Андрей и Татьяна Фесенко. **Русский яызк при Советах.** Нью-Йорк, 1955. 222 стр. . . . . . . Цена 3.00

A. ROSSEELS PRINTING C°
Vaartstraat 70 — Leuven
☎ (016) 219.62 — Belgium